

Ольга Ефимова

*"ЧЕРНАЯ
ОРХИДЕЯ"*

18+

Ольга Ефимова

"ЧЕРНАЯ ОРХИДЕЯ"

«Автор»

2026

Ефимова О.

"ЧЕРНАЯ ОРХИДЕЯ" / О. Ефимова — «Автор», 2026

После гибели любимой в пожаре театра флорист Марк Торн остается один в запустевшей оранжерее. Единственное, что связывает его с прошлым — браслет Алисы с чёрным засохшим бутоном. Случайная капля крови оживляет его, и вскоре из земли прорастает не просто цветок, а нечто, что носит лицо ушедшей, но смотрит на мир чёрными глазами бездонной пустоты. Марк называет её Эддой — землёй и адом. Позже — Никтой, ночью. Она не человек, не призрак, не цветок. Она — память, выросшая из пепла, скорбь, принявшая форму, голод, который можно утолить только нектаром и любовью. Вместе они бегут от охотников, странствуют по горам и подземельям, встречаются древнюю Мать цветов и старого гримёра Гектора, который когда-то сам сжёг такой же росток. Но можно ли убежать от себя? И можно ли вырастить душу там, где её не было? «Черная орхидея» — это мрачная, поэтичная притча о том, как горе превращается в жизнь, а любовь не умирает, даже когда тело обращается в прах.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Чёрный бутон на браслете	6
Глава 2. Голос, заставляющий цвести	10
Глава 3. Оранжевая на костях	17
Глава 4. Театр, где не нашли тела	22
Глава 5. Кровь вместо воды	27
Глава 6. Запах гари от лепестков	32
Глава 7. Браслет, пустивший корни	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Ефимова

"ЧЕРНАЯ ОРХИДЕЯ"

ПРОЛОГ

Тот, кто растит цветы на пепле, однажды сам станет почвой.

Пожар помнят не по пламени. Его помнят по запаху — сладковатому, приторному, как гвоздики в похоронном венке. И по звуку: стекло лопается, как рёбра под каблуком, дерево стонет, и где-то среди всего этого — голос. Высокий, чистый, невозможный в таком аду. Голос поёт арию, хотя горло должно быть уже съедено дымом.

Марк бежал по коридору, зажимая лицо мокрой тканью. Он помнил каждую деталь: как отвалилась дверная ручка, как пол проваливался под ногами, как кусок фальшпола проломился, и из-под него полезли не искры — а живые, извивающиеся корни. Орхидеи росли прямо из трещин, чёрные, с пульсирующими прожилками. Он списал бы это на галлюцинацию, но цветы пахли. Не гарью. А тем самым духами — «Чёрный лотос», которые Алиса носила каждое выступление.

Он нашёл её браслет на второй сцене. Лежал на обугленном рояле, невредимый, и на крошечной золотой цепочке висел засохший бутон — тот самый, подаренный в первый вечер. Марк схватил браслет, и бутон рассыпался в пальцах в тёплый, живой пепел. Но внутри осталось семя. Чёрное, как зрачок, и такое же бездонное.

Тела Алисы не нашли. Пожарные сказали — выгорела дотла, органика обратилась ни во что. Но Марк знал: она не сгорела. Она проросла. А он с того дня перестал поливать цветы водой. В ход пошла кровь. Сначала каплями из порезанного пальца. Потом — из вены, по ночам, когда город затихал и начинало казаться, что в пустой оранжерее кто-то дышит.

Браслет лежал на подоконнике в старой чашке из-под кофе. И однажды семя в нём треснуло. Выпустило тонкий, почти невидимый корешок. Марк не спал трое суток, глядя, как корешок удлиняется, ищет плоть, тянется к его руке. Когда он в последний раз порезался, меняя лампу в террариуме, капля упала прямо на росток. Росток всосал её, как губами, и раскрылся — в маленький, уродливо-прекрасный цветок с лепестками цвета старого пепла.

В ту же ночь Марку приснилась Алиса. Но не прежняя, живая, смеющаяся. А та, которая стояла в центре сцены, и из её глаз вместо слёз текли лепестки. Она не говорила. Только открыла рот, и оттуда вылетел рой спор — чёрных, густых, оседающих на Марка липкой пылью.

Он проснулся в луже собственного пота, и на лбу, прямо у линии роста волос, прилипла одна спора. Он счистил её ногтем. Споры оставила крошечный, уже начавший гнить синяк.

Тогда Марк ещё не знал, что споры — это только начало. Что у пепла есть своя память, а у цветов — своя воля.

Но он бы всё равно открыл дверь. Потому что горе делает нас не только слепыми. Оно делает нас садовниками собственной смерти, и мы поливаем её, как единственное, что осталось живого.

Глава 1. Чёрный бутон на браслете

Марк запоминал людей по цветам.

Не по лицам — лица слишком быстро стирались, превращаясь в размытые пятна, как акварель под дождём. А вот цветы, которые люди выбирали, оставались с ним навсегда. Женщина, которая каждую пятницу покупала три алые розы и плакала, заказывая их — она потеряла сына. Мужчина в дорогом пальто, берущий один белый тюльпан — он клал его на могилу жены, хотя прошло уже двенадцать лет. Маленькая девочка с медными монетами, которой вечно не хватало на «самый красивый цветок» — Марк всегда дарил ей пион бесплатно.

Он работал в небольшой оранжерее на углу Грейвс-авеню и Шестой. «Орхидея Марка» — так называлась лавка, хотя орхидей там поначалу было совсем немного. В основном герберы, хризантемы, сезонные тюльпаны и лилии. Но Марк лелеял мечту: однажды его витрина будет утопать в чёрных орхидеях, самых редких и дорогих цветах в мире. Он даже вычитал в каком-то старом ботаническом журнале, что чёрные орхидеи растут только на склонах вулканов в Эквадоре, питаюсь пеплом. Эта мысль казалась ему невероятно красивой — красота, рождённая из разрушения.

В тот вечер — а это была пятница, восемнадцатое сентября, и дождь лил как из ведра — Марк уже собирался закрывать лавку. Он стоял за прилавком, перебирая сухие лепестки, которые осыпались с букета роз, оставленного кем-то ещё неделю назад. Розы засохли и стали похожи на маленькие коричневые кулачки. Марк не выкидывал засохшие цветы — он складывал их в большую стеклянную банку, которую держал под прилавком, и называл это «банка памяти». Иногда он доставал оттуда один бутон, нюхал его и пытался вспомнить, кому и зачем тот был продан. Чаще всего не вспоминал.

И тут дверь открылась. Звякнул колокольчик — старый, медный, купленный в антикварном магазине за три фунта. Марк поднял голову.

Девушка, вошедшая внутрь, была в длинном чёрном пальто, промокшем насквозь. Волосы — светлые, почти белые, как лён, выгоревший на солнце — прилипли к щекам. С них капало. В руках она держала зонт, но зонт был сломан: одна спица торчала в сторону, ткань свисала тряпкой. Девушка выглядела несчастной, замёрзшей и одновременно — странно прекрасной. У неё были большие серые глаза с очень тёмными, почти чёрными ободками вокруг радужки. Издали казалось, что глаза подведены углём, но Марк, присмотревшись, понял — это природное.

— Вы ещё работаете? — спросила она. Голос оказался низковатым для такой хрупкой фигуры, с лёгкой хрипотцой. Как будто она только что много кричала или пела.

Марк глянул на часы. Было без двадцати восемь, а он закрывался в восемь.

— Вообще-то нет, — сказал он. — Но заходите. Вы промокли.

Девушка шагнула внутрь, и с её пальто на пол натекла маленькая лужа. Она заметила это и смутилась, попыталась отряхнуться, но только разбрызгала воду вокруг.

— Извините, — сказала она. — Дождь застал врасплох, а мой зонт... — Она подняла сломанное устройство, и спица жалобно звякнула. — Сдался.

Марк улыбнулся. Он вообще улыбался редко — люди в цветочной лавке привыкли к его хмурому, сосредоточенному лицу. Но сейчас улыбка вышла сама собой.

— Ничего страшного, — сказал он. — Полы здесь каменные, высохнет. Что вы хотели?

Девушка оглядела лавку. Она смотрела на цветы не так, как большинство клиентов. Обычные люди скользят взглядом по витрине, выбирая цвет или размер. Она же разглядывала каждый бутон так, будто читала книгу. Задержалась на тёмно-красных розах — почти чёрных, но не совсем — потом перевела взгляд на лилии, стоящие в ведре у двери. Белые лилии с жёлтыми тычинками, уже распутившиеся, тяжёлые от влаги.

— Мне нужны не цветы, — наконец сказала она. — Мне нужна работа.

Марк опешил. Работа? В цветочной лавке? Он с трудом сводил концы с концами, платил аренду, иногда мог позволить себе помощницу на несколько часов в неделю — студентку из колледжа, которая поливала цветы и упаковывала букеты. Но сейчас студентка уволилась, потому что «у неё экзамены», а на самом деле — потому что Марк платил копейки.

— Я не нанимаю, — сказал он. — Извините.

Девушка подошла ближе к прилавку. Она двигалась плавно, почти бесшумно — так передвигаются люди, привыкшие к сцене. Марк вдруг поймал себя на мысли, что смотрит не на её лицо, а на запястье. На левой руке, под мокрым рукавом пальто, виднелся браслет. Тонкая золотая цепочка, на которой висел крошечный бутон — не то засушенный, не то металлический, но на свету он блестел как живой.

— Вы Марк? — спросила девушка.

Он вздрогнул. Мало кто знал его по имени — на витрине было написано «Орхидея Марка», но посетители обычно говорили «эй, цветочник» или просто кивали.

— Да, — осторожно ответил он. — А вы откуда...

— Я видела ваше объявление в окне. — Она кивнула в сторону двери. Там действительно висел пожелтевший листок с надписью «Помощница в цветочный магазин». Марк повесил его три месяца назад и забыл. — Оно всё ещё там.

— А, это... — Марк почесал затылок. У него была привычка чесать затылок, когда он нервничал. — Это старое. Я уже не ищу.

— А зря, — сказала девушка. Она улыбнулась, и улыбка у неё была странная — не счастливая, не вежливая, а какая-то... грустная, что ли. Как будто она уже знала, что он откажет, но всё равно попробовала. — Я умею ухаживать за цветами. Моя бабушка держала оранжерею. Не здесь, в другом городе. Я помогала ей с детства.

Марк хотел сказать «нет», но зачем-то спросил:

— Как называется цветок, который цветёт раз в сто лет?

Девушка не задумалась ни на секунду.

— Пуйя раймонди, — сказала она. — Андийская королева. Цветёт на сотом году жизни, а потом умирает. Растёт только в Боливии и Перу на высоте четырёх тысяч метров. Её соцветие достигает десяти метров в высоту.

Марк моргнул.

— Ладно, — сказал он. — Вы приняты. На испытательный срок. Плачу мало.

— Я не за деньгами, — ответила девушка. И это прозвучало так искренне, что Марку стало не по себе.

Она представилась Алисой. Полное имя — Алиса Уайткрофт. «Как у Кэрролла», — заметил Марк, и она усмехнулась. Видимо, слышала это сравнение тысячу раз.

Первые дни работы прошли тихо. Алиса приходила ровно к девяти утра, когда Марк только открывал лавку, и уходила в шесть вечера, помогая закрыть. Она была молчаливой, но не замкнутой — просто не тратила слов зря. Она поливала цветы правильной водой (отстоявшейся, комнатной температуры, не ледяной из-под крана — Марк был поражён, потому что сам часто использовал холодную воду и потом удивлялся, почему розы вянут). Она срезала засохшие листья маленькими ножницами, которые носила в кармане фартука, и никогда не выбрасывала обрезанное в общий бак — отдельно складывала стебли, отдельно листья, а лепестки собирала в маленький бумажный пакетик.

— Зачем тебе лепестки? — спросил Марк однажды.

— Сушить, — ответила Алиса, не оборачиваясь. — Потом сделаю саше. Подарю кому-нибудь.

— Кому?

Она пожала плечами. Браслет на её запястье сверкнул.

Марк заметил, что Алиса никогда не снимает браслет. Даже когда моет полы или работает с землёй — браслет остаётся на месте. Золотая цепочка и маленький бутон. Иногда Марку казалось, что бутон меняет цвет: то он был чёрным, то тёмно-бордовым, то почти фиолетовым. Но это, наверное, игра света.

Через две недели Марк узнал, что Алиса поёт. Это случилось случайно. Он работал в подсобке, разбирая новый заказ — ящик с голландскими тюльпанами, которые прибыли с опозданием на три дня и начали подгнивать. Алиса осталась в торговом зале, наводила порядок на стеллажах. И вдруг Марк услышал звук. Тихий, высокий, чистый. Она пела не слова — просто мелодию, без текста, как колыбельную. Но голос у неё оказался нечеловеческим. Не в том смысле, что плохим — наоборот, слишком хорошим. Слишком совершенным для маленькой цветочной лавки на Грейвс-авеню. У Марка перехватило дыхание. Он вышел из подсобки и замер в дверях.

Алиса сидела на корточках перед горшком с орхидеей — той самой, что Марк пытался вырастить из семени, купленного на интернет-аукционе за безумные деньги. Семя было чёрным, как зрачок, и до сих пор не дало ростков. Но сейчас, когда Алиса пела, Марку почудилось, что земля в горшке шевельнулась. Только почудилось? Он не был уверен.

— Ты... — начал он и замолк.

Алиса резко обернулась, и пение оборвалось. Она выглядела испуганной — как ребёнок, которого застали за чем-то запретным.

— Извините, — быстро сказала она. — Я не хотела... я просто... иногда это само выходит.

— Ты поёшь? Профессионально? — спросил Марк.

Алиса опустила голову. Её светлые волосы упали на лицо, скрыв глаза.

— Я училась в консерватории, — тихо сказала она. — Оперное пение. Но бросила.

— Почему?

Она не ответила. Встала, отряхнула колени и ушла в подсобку мыть чашки. Марк не стал допытываться. Он и сам не любил, когда лезут в душу.

Но с того дня он начал относиться к Алисе иначе. Не как к помощнице, а как к чему-то... большему. Она была загадкой, которую хотелось разгадать. Почему девушка с таким голосом работает в цветочном магазине? Почему она не на сцене? Почему она смотрит на орхидеи так, будто они говорят с ней?

В конце третьей недели случился первый странный инцидент.

Марк пришёл утром и увидел, что орхидея в горшке — та самая, чёрное семя — дала росток. Маленький, бледно-зелёный, почти прозрачный. Марк вскрикнул от радости. Он бегал вокруг горшка, размахивая руками, как умалишённый. Алиса стояла в стороне и улыбалась — своей грустной, загадочной улыбкой.

— Ты видела? — спросил Марк. — Она проросла! Чёрная орхидея! Я ждал этого три года!

— Я знаю, — тихо сказала Алиса.

Марк осекся.

— Откуда ты знаешь, сколько я ждал?

Алиса посмотрела на него своими серыми глазами с чёрными ободками.

— Вы говорили, — сказала она. — На прошлой неделе. Сказали, что пытаетесь вырастить чёрную орхидею три года, и что это семя — последняя надежда.

Марк напряг память. Он не помнил, чтобы говорил это. Но возможно, просто забыл. Он вообще был рассеянным — вечно витал в облаках, особенно когда работал с цветами.

— Ладно, — сказал он. — Наверное, говорил.

Но в душе остался странный осадок. Ему показалось, или росток появился именно после того, как Алиса пела над горшком? Он отогнал эту мысль. Она была глупой, суеверной. Цветы не растут от пения. Это биология, а не магия.

Месяц спустя Марк пригласил Алису на ужин. Не как свидание — просто поблагодарить за работу. Он приготовил пасту с грибами (единственное, что умел готовить более-менее сносно), открыл бутылку красного вина и постелил на маленький обеденный стол в подсобке чистую скатерть. Алиса пришла после закрытия, без пальто, в простом сером платье, и браслет на её руке горел как живой огонь.

Они ели, пили, разговаривали. Марк рассказал, как оказался в цветочном бизнесе: его мать была флористом, она умерла, когда ему было семнадцать, и он унаследовал лавку. «Я не хотел этим заниматься, — признался Марк. — Но потом понял, что цветы — единственное, что меня успокаивает. Когда я с ними, я не думаю о плохом».

Алиса слушала внимательно, кивала, иногда задавала вопросы. Она почти не ела — только пила вино маленькими глотками и крутила в пальцах браслет.

— А ты? — спросил Марк. — Почему ты бросила консерваторию?

Алиса долго молчала. Потом сказала:

— Потому что когда я пою, происходят странные вещи.

— Какие странные?

Она посмотрела на горшок с орхидеей, стоящий на подоконнике. Росток уже вытянулся на два сантиметра и выпустил первый настоящий лист — тёмно-зелёный, почти чёрный.

— Вы заметили, что цветы в лавке стали лучше расти? — спросила она вместо ответа. — Розы стоят по две недели, хотя раньше вяли через пять дней. Герберы распускаются быстрее. Даже те тюльпаны, которые гнили, дали новые бутоны.

Марк задумался. Она была права. Он сам удивлялся, но списывал это на смену погоды или на удачную партию удобрений.

— Это ты? — спросил он прямо.

Алиса не ответила. Встала из-за стола, подошла к подоконнику и запела. Снова без слов — просто мелодия, низкая и тягучая, как смола. Марк сидел, не дыша. Ему казалось, что воздух в комнате сгустился, стал вязким. И тогда он увидел. Росток орхидеи шевельнулся. Не от ветра — в подсобке не было сквозняка. Он изогнулся в сторону Алисы, как подсолнух к солнцу. И за несколько секунд выпустил новый лист. Прямо на глазах.

Марк выронил вилку. Вилка звякнула о тарелку, и пение оборвалось. Алиса повернулась к нему. На её глазах блеснули слёзы.

— Видите? — прошептала она. — Поэтому я бросила. В консерватории подумали бы, что я колдунья. Или псих.

Марк молчал. Его разум отказывался верить в то, что он только что видел. Цветы не растут за секунды. Это невозможно. Это противоречит всем законам биологии. И всё же...

— Покажи ещё раз, — попросил он.

Алиса покачала головой.

Глава 2. Голос, заставляющий цвести

Декабрь пришёл в город не с морозами, а с туманами. Густыми, молочными, такими, что уличные фонари казались размытыми пятнами, а люди превращались в тени, проплывающие мимо витрин. Марк любил туманы. В них мир становился мягче, тише, и даже шумная Грейвс-авеню затихала, словно накрытая одеялом.

Чёрная орхидея продолжала цвести. Она не вяла уже три недели, что было совершенно ненормально для орхидей — те обычно держали цвет не дольше двух-трёх недель. Но этот цветок, казалось, застыл во времени. Его лепестки оставались такими же упругими и тёмными, а странный бугорок в центре — тот, что Марк сначала принял за уродливую тычинку — вырос и стал похож на маленькую, скрюченную фигурку. Иногда, когда Марк смотрел на неё под определённым углом, ему чудилось, что фигурка напоминает спящего младенца. Он отгонял эти мысли, но они возвращались.

Алиса теперь жила у него. Неофициально — просто приносила свои вещи по одной, пока в шкафу не появилось место для её платьев, а на полке в ванной — баночка с маслом жожоба и стеклянная пилка для ногтей. Марку нравилось это незаметное заполнение его пространства. Он просыпался и чувствовал её запах на подушке — не духов, а чего-то более естественного, вроде мокрой земли и зелени. Она пахла цветами. Даже когда не прикасалась к ним.

Дни тянулись однообразно и сладко. Утром они вместе открывали лавку, Алиса поливала цветы, Марк проверял заказы. В обед они ели сэндвичи с сыром и помидорами, запивая крепким чаем. После обеда Алиса уходила в подсобку и практиковалась — пела гаммы, арпеджио, отрывки из арий. Голос её становился сильнее с каждым днём. Марк замечал, как вибрируют стёкла в витрине, когда она берёт высокую ноту, и как при этом лилии в ведре у двери слегка покачиваются, будто от ветра. Но ветра не было.

— Ты уверена, что хочешь петь в театре? — спросил он однажды, когда они сидели на полу подсобки, разбирая коробки с сухоцветами. — Мы могли бы просто показать орхидею в лавке. Устроить маленькую выставку.

Алиса покачала головой. Она держала в руках засушенную гортензию и перебирала её хрупкие лепестки.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Я должна спеть в настоящем зале. Хотя бы раз в жизни. Чтобы понять, каково это — когда голос не упирается в стены, а летит.

Марк не понимал этого стремления к сцене. Он всегда предпочитал тишину, маленькие пространства, запах влажной земли. Но в глазах Алисы горел такой огонь, что перечить было невозможно.

— Театр «Ройял» — это серьёзно, — заметил он. — Там тысяча мест. Ты не боишься?

— Боюсь, — призналась Алиса. — Но боюсь ещё больше, что мой голос пропадёт зря. Знаешь, есть такая легенда: если человек с даром не использует его, дар начинает разрушать носителя изнутри. Как неспетые песни.

— Откуда такая легенда?

— Я придумала, — усмехнулась она. — Но в каждой выдумке есть доля правды.

Она отложила гортензию и взяла Марка за руку. Её пальцы были холодными — всегда холодными, даже в натопленной комнате.

— Поможешь мне выбрать арию? — спросила она.

Марк удивился.

— Я ничего не смыслю в опере.

— Это не важно. Ты чувствуешь цветы. А голос — это тоже цветок. Он должен пахнуть правильно.

Она подошла к старому проигрывателю, стоящему в углу подсобки — Марк купил его на блошином рынке за пять фунтов, потому что любил пластинки — и поставила винил. Из динамиков полилась музыка. Странная, тягучая, не похожая на то, что Марк обычно слышал по радио. Женский голос — запись, сделанная, наверное, полвека назад — пел на итальянском, и каждое слово было как капля дождя на стекле.

— Это Мария Каллас, — сказала Алиса. — «Casta Diva» из оперы «Норма». Ария жрицы, которая молится луне. Очень чистая, очень печальная.

Марк слушал. Голос на пластинке был мощным, но в нём чувствовалась какая-то надломленность, как у стебля, который вот-вот сломается от ветра. Это задело его за живое.

— Ты споёшь это? — спросил он.

— Не знаю. Это очень сложно. Каллас была уникальной. Но я могу попробовать.

Алиса встала посреди подсобки, закрыла глаза и начала петь. Без музыки, только голос, который вырывался из её горла и тут же заполнял всё пространство. Марк не понимал слов, но слёзы навернулись на глаза сами собой. Это было не просто пение. Это было что-то первобытное, идущее из тех глубин, где нет ни языка, ни мыслей — только чистая, незамутнённая боль.

Ведро с лилиями у двери дрогнуло. Марк увидел, как бутоны, ещё закрытые, начали медленно распускаться — прямо на глазах, как в ускоренной съёмке. Белые лепестки разворачивались один за другим, и воздух наполнился сладким, почти приторным запахом.

Алиса не видела этого. Она пела с закрытыми глазами, и по её щекам текли слёзы. Голос становился громче, выше, и вот уже стекло в витрине задрожало тонко и жалобно, а чёрная орхидея на подоконнике — та самая, с фигуркой внутри — выпустила тонкую, почти невидимую нить, которая потянулась к Алисе, как щупальце.

— Хватит, — прошептал Марк. — Пожалуйста, хватит.

Алиса открыла глаза и замолкла. В тот же миг лилии замерли, нить орхидеи втянулась обратно, и только запах остался — тяжёлый, густой, как мёд.

— Что? — спросила Алиса, вытирая щёки. — Что случилось?

— Ты видела? — Марк указал на лилии. — Они распустились.

Алиса посмотрела на цветы и побледнела.

— О нет, — прошептала она. — Я думала, я контролирую это лучше. Я думала, в театре будет легче, потому что зал большой...

— Может быть, не нужно петь перед людьми? — осторожно предложил Марк.

— Нужно, — отрезала Алиса. — Я должна узнать, на что способна. Это как с растением: если его всё время держать в маленьком горшке, корни задохнутся. Мне нужно пространство.

Марк не стал спорить. Он подошёл к ней и обнял, чувствуя, как бьётся её сердце — слишком быстро, слишком нервно.

— Тогда мы найдём способ это контролировать, — сказал он. — Вместе.

Она уткнулась лицом ему в плечо и прошептала:

— Ты такой хороший. Слишком хороший для меня.

— Не говори глупостей, — ответил Марк, но внутри у него что-то кольнуло. Он не знал, что именно, но с той минуты в его сознании поселилась маленькая, холодная тревога.

На следующий день Марк поехал в театр «Ройял» — договориться о деталях. Театр находился в старом районе, среди кирпичных домов с облупившейся краской и узких улочек, где вечно пахло жареными каштанами и выхлопными газами. Здание было построено в конце девятнадцатого века: фасад украшали кариатиды, державшие балкон, а над входом красовалась вывеска с потускневшей позолотой — «ROYAL THEATRE, EST. 1887».

Внутри оказалось даже красивее, чем снаружи. Потолок в фойе расписывал, кажется, сам Микеланджело — по крайней мере, лепнина была такой замысловатой, что у Марка закружилась голова. Он прошёл по красной ковровой дорожке к администратору — пожилой женщине с ярко-рыжими волосами и в очках на цепочке.

— Марк Торн, — представился он. — У меня назначена встреча с мистером Харрисом.
— А, цветочник, — сказала женщина. — Идите прямо, потом налево, последняя дверь.

Марк кивнул и пошёл по длинному коридору, стены которого были увешаны афишами прошлых лет. «Ромео и Джульетта», 1923. «Травиата», 1945. «Волшебная флейта», 1967. Чёрно-белые лица актёров смотрели на Марка с выцветших страниц, и ему казалось, что они знают о нём что-то, чего он сам не знает.

Мистер Харрис оказался высоким, сутулым мужчиной лет шестидесяти, с седыми висками и цепким взглядом. Он сидел за огромным дубовым столом, заваленным бумагами, и пил кофе из фарфоровой чашки с золотым ободком.

— Мистер Торн, — сказал он, когда Марк вошёл. — Рад познакомиться. Алиса много о вас рассказывала.

— Она говорила, что вы друг её бабушки, — сказал Марк, пожимая протянутую руку. Ладонь у Харриса была сухой и твёрдой, как корень дерева.

— Да, мы были знакомы. Чудесная женщина, царствие небесное. — Харрис вздохнул. — У неё была прекрасная оранжерея. Я часто бывал там в молодости. Алиса унаследовала дар — не только флористический, но и вокальный. Вы слышали, как она поёт?

— Да, — сказал Марк. — И это... необычно.

— Необычно — мягко сказано, — усмехнулся Харрис. — Я в театре сорок лет, слышал Паваротти, слышал Доминго, но ничего подобного. Её голос — это... как бы сказать... сам цветок. Он живёт своей жизнью.

Марк не знал, стоит ли рассказывать о странных эффектах, которые сопровождают пение Алисы. Он решил пока промолчать.

— Она хочет спеть в главном зале, — сказал Марк. — Двадцатого декабря. Что для этого нужно?

— Не так много, как вы думаете, — ответил Харрис. — Зал свободен. Нужно только оплатить аренду и услуги звукорежиссёра. И, разумеется, продать билеты. Вы планируете брать плату за вход?

— Думаю, нет. Это будет... закрытый показ. Только для приглашённых.

Харрис кивнул, словно ожидал такого ответа.

— Хорошо. Тогда всё просто. Я выделю вам зал на вечер, с семи до одиннадцати. Свет, звук — всё включено. Мои ребята помогут. — Он сделал паузу. — Только скажите Алисе: пусть не перенапрягается. У голоса есть предел, и если его переступить...

— Я прослежу, — сказал Марк.

— Я надеюсь, — ответил Харрис, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на страх. Или на предчувствие.

Вернувшись в лавку, Марк застал Алису за странным занятием. Она стояла у стеллажа с кактусами — самыми нелюбимыми растениями Марка, колючими и угрюмыми — и что-то нашёптывала им. Марк прислушался.

— Растите, — шептала Алиса. — Вы такие одинокие. Все боятся ваших иголок, но вы просто защищаетесь. Я понимаю.

Один из кактусов — маленький, круглый, похожий на зелёного ежа — вдруг выпустил крошечный бутон на самом верху. Белый, с розовыми краями. Марк не видел такого ни разу за три года, что держал этот кактус.

— Ты говоришь с ними, — сказал он.

Алиса обернулась. Увидела Марка, улыбнулась — но улыбка была виноватой.

— Они отвечают, — сказала она. — Не словами, конечно. Но я чувствую. Кактусы очень терпеливые. Они ждут годами, чтобы кто-то их полюбил.

Марк подошёл и встал рядом.

— В театре всё в порядке, — сказал он. — Двадцатого декабря. У тебя будет сцена.

Алиса вздохнула — выдох был долгим и дрожащим.

— Спасибо, — прошептала она. — Ты даже не представляешь, что это для меня значит.

— Тогда расскажи, — попросил Марк.

Они сели на пол прямо между стеллажами, как дети. Алиса обхватила колени руками и устала в одну точку.

— Моя бабушка, — начала она, — была не просто флористом. Она была... хранительницей. У неё был сад, которого никто не видел. Спрятанный в горах, за городом. Она водила меня туда, когда я была маленькой. И там росли цветы, которых нет больше нигде. Она говорила, что они слышат голоса. Что если спеть правильную ноту, можно заставить их раскрыться в любое время года.

— И что случилось с этим садом?

— Бабушка умерла, — голос Алисы дрогнул. — А я не смогла его найти. Горы изменились, тропинки заросли. Я искала несколько лет, но без неё... без её голоса сад закрылся.

Марк взял её за руку.

— Ты думаешь, если споешь в театре, сад откроется?

— Не знаю. — Алиса покачала головой. — Но чувствую, что должна попробовать. Это как незаконченное дело. Если я не спою на настоящей сцене, то никогда не смогу простить себя.

— Ты споешь, — сказал Марк. — А я буду сидеть в первом ряду, и смотреть на тебя.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она улыбнулась — той улыбкой, которая делала её лицо почти прозрачным, как лепесток. И Марк подумал, что ни за что на свете не отдал бы этот момент.

Время до двадцатого декабря пролетело как одно мгновение. Марк и Алиса готовились. Она репетировала каждый день — в лавке, дома, иногда в парке, если было достаточно безлюдно. Марк замечал, что чем дольше она поёт, тем сильнее становится её влияние на цветы. Теперь даже сухие ветки, которые он хранил в «банке памяти», начинали зеленеть, когда Алиса брала особенно высокую ноту.

Чёрная орхидея тем временем менялась. Фигурка в центре стала отчётливее. Теперь Марк не мог отрицать: это был зародыш. Маленькое, скрученное существо с едва различимыми чертами лица. Оно не двигалось, но иногда, под вечер, Марку казалось, что оно слегка пульсирует — как сердце, бьющееся под тонкой кожей лепестка.

Он не говорил об этом Алисе. Боялся, что она расстроится или, что ещё хуже, обрадуется. Он не знал, какой реакции ожидать. Но сам начинал испытывать неясную тревогу, смешанную с отвращением.

Однажды, за неделю до выступления, в лавку зашёл необычный клиент. Старик в чёрном пальто, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. Он долго ходил между стеллажами, не глядя на цветы — глядя куда-то в пол. Потом остановился у чёрной орхидеи и замер.

— Это ваша? — спросил он хриплым голосом.

— Да, — ответил Марк, подходя ближе. — Моя. Я вырастил её из семени.

— Из семени? — старик хмыкнул. — Семена чёрных орхидей не прорастают в неволе.

Для этого нужна кровь.

Марк вздрогнул.

— О чём вы?

Старик повернулся к нему. В его глазах — жёлтых, с красными прожилками — мелькнула усмешка.

— Ни о чём, молодой человек. Просто старый ботаник. Я такие цветы видел только раз в жизни. В горах, в Эквадоре. У подножия вулкана, где много пепла. Там они и растут. На пепле. И на крови. — Он помолчал. — Девушка, которая поёт — она ваша невеста?

Марк удивился.

— Откуда вы знаете про девушку?

— Я слышал, — старик постучал пальцем по уху. — Весь город слышит. Она поёт каждую ночь. Люди думают, что это радио, но радио у нас нет.

Марк не знал, что Алиса поёт по ночам. Он спал крепко, как убитый, и не слышал.

— Берегите её, — сказал старик, направляясь к выходу. — Голос, который заставляет цвести, может заставить и увядать. Всё, что даёт жизнь, может её и отнять.

И он вышел, оставив после себя запах сырой земли и дешёвого табака.

Марк стоял, глядя на закрывшуюся дверь. В руке у него зазвенел браслет — тот самый, с чёрным бутонем, который он носил сам, сделанный на заказ по образу браслета Алисы. Она подарила ему его на день рождения, две недели назад.

— Всё будет хорошо, — сказал он вслух, чтобы заглушить голос тревоги. — Мы просто споём. И всё.

Но в ту ночь ему приснился сон. Он стоял в пустом театре «Ройял», на сцене, залитой красным светом. Алиса пела, но вместо неё из горла вылетали не ноты, а чёрные лепестки. Они кружились в воздухе, оседали на кресла, на пол, на Марка. А когда он поднял руку, чтобы стряхнуть их, то увидел, что его пальцы превратились в корни. Тонкие, коричневые, они уходили в пол и вращались в доски сцены.

Марк проснулся в холодном поту. Рядом, свернувшись калачиком, спала Алиса. Её лицо было спокойным, как у ребёнка. Браслет на её руке мерцал в темноте.

— Только бы ничего не случилось, — прошептал Марк. — Только бы этот вечер прошёл хорошо.

Он не знал, что вечер 20 декабря станет последним, когда он увидит Алису живой. Последним, когда он ещё верил, что голос может дарить только жизнь, а не отнимать её.

Чёрная орхидея в ту ночь раскрылась чуть шире. И фигурка внутри неё шевельнулась.

— Не могу. Это не включается по команде. Только когда я чувствую... что-то. Когда мне очень грустно или очень радостно.

— И сейчас? — спросил Марк. — Что ты чувствовала сейчас?

Она посмотрела на него долгим взглядом. Её серые глаза потемнели, стали почти чёрными.

— Я чувствовала, что вы не боитесь, — сказала она. — Что вы не оттолкнёте меня. Этого достаточно.

Марк не оттолкнул. Вместо этого он подошёл к ней, взял её за руку — холодную, тонкую — и сказал:

— Никогда не бросай петь. Слышишь? Даже если цветы растут. Даже если мир сходит с ума. Твой голос — это дар.

Алиса улыбнулась. Впервые по-настоящему, без грусти. И в этот момент браслет на её запястье сверкнул так ярко, что Марку пришлось зажмуриться. А когда он открыл глаза, ему показалось, что бутон на браслете чуть-чуть раскрылся. Всего на миллиметр. Но он был в этом уверен.

Следующие два месяца стали лучшими в жизни Марка. Он и Алиса работали вместе, обедали вместе, иногда оставались после закрытия и пили чай, разговаривая о цветах, о музыке, о глупых вещах. Марк заметил, что влюбляется, но боялся признаться. Алиса была слишком необычной, слишком хрупкой и в то же время сильной. Он боялся спугнуть её.

А она всё чаще пела. Негромко, как бы про себя, но цветы в лавке отзывались. Розы становились пышнее, лилии — белее, даже старый фикус, который Марк почти похоронил, выпустил новые листья. Клиенты удивлялись и спрашивали, какое удобрение он использует. Марк улыбался и говорил: «Секрет фирмы».

Чёрная орхидея тем временем росла. У неё появилось четыре листа, и в центре показался крошечный бутон. Чёрный, как уголь. Марк каждый день подходил к нему, трогал пальцем и шептал: «Расти, малышка». Алиса смеялась над ним.

— Ты говоришь с цветами, как с детьми, — сказала она однажды.

— А ты поёшь им, — ответил Марк. — Мы оба сумасшедшие.

Она засмеялась — звонко, по-настоящему. Марк подумал, что этот смех он готов слушать вечно.

В тот вечер, когда орхидея, наконец, распустилась — а случилось это в середине ноября, под холодным дождём, стучавшим в окно — Марк понял, что больше не может молчать. Бутон раскрылся за одну ночь. Марк пришёл утром и замер. Перед ним стоял идеальный цветок. Чёрный, но не мёртвый. Внутри, в глубине лепестков, горел тёмно-фиолетовый огонь, словно в цветке застыл кусочек ночного неба.

— Алиса! — закричал Марк. — Иди сюда!

Она прибежала из подсобки, вытирая руки о фартук. Увидела орхидею и ахнула.

— Боже, — прошептала она. — Она прекрасна.

— Я люблю тебя, — сказал Марк.

Слова вырвались сами, без подготовки, без красивых предисловий. Просто воздух в комнате стал таким густым и тёплым, что ложь или молчание были бы кощунством.

Алиса повернулась к нему. Её лицо побелело.

— Не надо, — тихо сказала она. — Пожалуйста. Не надо этого говорить.

— Почему?

— Потому что всё хорошее заканчивается. Потому что цветы вянут. Потому что я... — Она замолчала, сжала браслет на руке. — Я приношу несчастье.

Марк шагнул к ней и взял её за плечи.

— Ты приносишь жизнь, — сказал он. — Посмотри на орхидею. Посмотри на все цветы вокруг. Они живы только потому, что ты здесь.

— Нет, — покачала головой Алиса. — Они живы, потому что я... забираю жизнь из другого места. Так всегда работает. Равновесие. Где-то что-то умирает, когда я пою. Я чувствую это. Я чувствую пустоту.

Марк не понял, о чём она говорит. Но ему было всё равно. Он притянул её к себе и поцеловал. Сначала она сопротивлялась — слабо, скорее символически — а потом обмякла и прижалась к нему. Браслет на её руке врезался Марку в шею, и на секунду ему показалось, что бутон стал горячим. Но он списал это на кровь, прилившую к лицу.

Они стояли так посреди цветочной лавки, под дождём, стучащим в окна, и чёрная орхидея раскрывалась всё шире, выпуская тонкий, сладковатый запах — запах, который Марк потом будет помнить всю жизнь. Запах, который через два года вернётся к нему в оранжерее вместе с Эддой.

Но в тот момент он был просто счастлив. И не знал, что счастье — это самый опасный цветок из всех. Потому что оно цветёт недолго. А его увядание оставляет в сердце такую пустоту, которую не заполнить даже чёрными орхидеями, выросшими на пепле.

На следующий день Алиса пришла на работу с новым платьем — синим, как вечернее небо — и сказала:

— Марк, у меня есть предложение. Давай устроим выставку. Покажем людям чёрную орхидею. Я спою.

— Споешь? — удивился он. — Ты же боялась, что люди увидят... ну, как цветы реагируют.

— Я спою в театре, — сказала она. — Не здесь. Там другие акустика, другой свет. И никто не заметит, что цветы... ну, ты понимаешь.

Марк сомневался. Ему не нравилась идея выставлять Алису на публику, показывать её дар всему миру. Но она так смотрела на него — с надеждой, почти с мольбой — что он не смог отказать.

— Хорошо, — сказал он. — Какой театр?

— «Ройял», — ответила Алиса. — Я уже договорилась. Директор — старый друг моей бабушки. Он разрешил нам провести вечер через месяц. Двадцатого декабря.

Марк кивнул.

— Двадцатое декабря, — повторил он. — Запомню.

Он не знал, что запомнит эту дату навсегда. Но совсем по другой причине.

Чёрная орхидея тем временем цвела и пахла. Её лепестки становились всё темнее, а в центре, вместо привычных тычинок, росло что-то странное — маленький, твёрдый бугорок, похожий на зародыш. Марк не придавал этому значения. Он думал, что это особенность редкого вида.

Если бы он знал правду, он бы вырвал орхидею с корнем и сжёг. Но он не знал. Он был влюблён. А любовь, как известно, делает людей слепыми к самым очевидным предупреждениям.

Глава 3. Оранжерея на костях

За десять дней до выступления Алиса начала просыпаться по ночам.

Сначала Марк не замечал этого — спал слишком крепко, утомлённый дневными заботами. Но однажды, в четвёртом часу утра, его разбудил холод. Кто-то открыл окно в спальне, и декабрьский воздух ворвался внутрь, влажный и колючий. Марк сел на кровати, поёжился. Рядом было пусто — Алиса ушла.

Он нашёл её в оранжерее. Она стояла босиком на холодном каменном полу, в одной ночной рубашке, и смотрела на чёрную орхидею. Цветок в темноте светился — слабо, едва заметно, как тлеющий уголёк.

— Алиса? — позвал Марк.

Она не обернулась. Её губы шевелились, но звука не было — она что-то шептала цветку.

— Ты замёрзнешь, — сказал Марк, подходя и накидывая ей на плечи одеяло. — Иди в постель.

— Он зовёт меня, — ответила Алиса, не отрывая взгляда от орхидеи. — Ты не слышишь?

— Кто?

— Цветок.

Марк прислушался. В оранжерее было тихо, только трубы гудели где-то в подвале, да за окном шуршал дождь. Но если стоять совсем близко к горшку, казалось, что из центра цветка — из той самой скрюченной фигурки — доносится едва уловимая вибрация. Не звук даже, а пульсация. Как сердцебиение плода в утробе.

— Это твоё воображение, — мягко сказал Марк. — Или моё. Нам обоим нужно выспаться.

Алиса, наконец, повернулась к нему. Её глаза в темноте казались двумя тёмными провалами — зрачки расширились так, что почти скрыли радужку.

— Моя бабушка говорила, что орхидеи — самые древние цветы на земле, — сказала она. — Они появились ещё до динозавров. Они видели, как континенты расходились, как горы поднимались из моря. В их ДНК записана память о мире, которого больше нет.

— Это красиво, — сказал Марк, хотя внутри у него всё сжалось. Её голос звучал не так, как обычно. В нём появилась металлическая нотка — жёсткая, холодная.

— Она говорила, что чёрные орхидеи — самые опасные. Потому что они питаются не землёй и водой, а чем-то другим. Чем-то, что люди носят внутри себя.

— Чем именно?

Алиса посмотрела на свои руки. Кончики её пальцев побелели от холода.

— Я не знаю, — сказала она. — И, наверное, не хочу знать.

Они вернулись в спальню, и Алиса долго не могла уснуть. Она лежала на спине, глядя в потолок, и иногда вздрагивала, словно кто-то звал её по имени. Марк лежал рядом, чувствуя, как между ними растёт что-то невидимое — тонкая, но прочная перегородка, сделанная из страха и недомолвок.

На следующий день Марк решил навестить Гектора.

Старый гримёр жил в маленькой квартирке на окраине, в доме с вечно сломанным лифтом и пахнущем кислой капустой подъезде. Гектору было под семьдесят, но он сохранил ясность ума и остроту языка, которые пугали молодых и раздражали старых. Он работал в «Ройяле» сорок пять лет, гримировал всех — от никому не известных статистов до звёзд, чьи имена вырезали на мемориальных досках. И он знал о театре больше, чем любой директор.

— А, цветочный мальчик, — сказал Гектор, открывая дверь. Он был в старом халате, с небритой щетиной и сигаретой в углу рта. — Проходи. Только не наступай на порог — нечисть затащишь.

Марк шагнул внутрь. Квартира Гектора напоминала склад театрального реквизита: всюду висели костюмы, на стульях лежали парики, стены были увешаны фотографиями в рамках — актёры в гриме, актёры без грима, сцены из спектаклей, закулисные снимки. Воздух пах пудрой, клеем и старыми сигаретными окурками.

— Чем обязан? — спросил Гектор, усаживаясь в кресло, которое скрипнуло под его весом, как живое.

— Я хочу поговорить об Алисе, — сказал Марк, садясь напротив.

— О девушке с голосом, — кивнул Гектор. — Да, я слышал. Она будет петь в «Ройяле»?

— Двадцатого декабря.

Гектор выпустил клуб дыма и долго смотрел, как он тает под потолком.

— Знаешь, сколько людей погибло в этом театре? — спросил он вдруг.

Марк опешил.

— Что? Я не...

— Три пожара. Один в 1912-м, сгорела костюмерная, погибла девушка-гардеробщица. Второй в 1944-м, во время бомбёжки, хотя бомбы упали за три квартала, а театр загорелся сам по себе. И третий — в 1987-м, уже при мне. Погиб старый осветитель. Говорили, что он был пьян и уронил свечу на занавес. Но свечей в театре не было.

Марк не понимал, к чему клонит Гектор.

— Ты хочешь сказать, что театр проклят?

— Я хочу сказать, что у сцены есть своя память, — ответил Гектор. — И своя жадность. Она пьёт голоса, эмоции, пот и кровь. Хорошие певцы отдают ей частицу себя, а плохие — всё без остатка. Твоя Алиса — она хорошая?

— Она не просто хорошая, — сказал Марк. — Она необыкновенная.

— Вот это и страшно, — вздохнул Гектор. — Слишком необыкновенные часто оставляют на сцене больше, чем планируют.

Он встал, подошёл к шкафу, достал оттуда пыльную коробку. Внутри оказался старый, потрёпанный блокнот с пожелтевшими страницами.

— Это дневник моей бабушки, — сказал Гектор. — Она работала в «Ройяле» уборщицей в двадцатые годы. Тут она записывала странные вещи. Театральные легенды, слухи, сплетни. Одна из них — о певице, которую называли «Орхидея».

Марк взял блокнот. Страницы были исписаны мелким, витиеватым почерком, почти нечитаемым.

— Что за певица?

— Итальянка. Выступала в «Ройяле» в 1923 году. Говорили, что её голос заставлял цветы распускаться прямо на сцене — их приносили в корзинах, как реквизит, но они были закрытыми. А когда она начинала петь — раскрывались. Публика была в восторге. — Гектор сделал паузу. — А потом, во время одной из арий, занавес загорелся. Пожар потушили быстро, но певица пропала. Не нашли ни её, ни её платья, ни украшений. Только на сцене, в том месте, где она стояла, выросла чёрная орхидея.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И что с ней случилось?

— Директор театра приказал выбросить цветок. Но он вырос снова. И снова. Каждый раз на одном и том же месте — в центре сцены. В конце концов, кто-то из рабочих срубил доски и заменил их новыми, а старые сжёг. Цветок исчез.

— Но это просто легенда, — сказал Марк, откладывая блокнот. — Сказка, которую рассказывают новичкам.

— Конечно, — усмехнулся Гектор. — Конечно, сказка. Но почему тогда в театре до сих пор запрещено ставить живые цветы на сцену? Почему все букеты, которые дарят артистам, должны быть искусственными? Это правило действует уже сто лет.

Марк не знал. Он никогда не был в театре достаточно долго, чтобы заметить такие детали.

— Ты предупреждаешь меня, чтобы я отговорил Алису от выступления? — спросил он.

— Я просто рассказываю тебе истории, — ответил Гектор, туша сигарету о дно пепельницы. — А ты уж сам решай, что с ними делать.

Марк ушёл от старика в тяжёлом настроении. В кармане лежал блокнот — Гектор позволил взять его на время, сказав: «Прочитай, может, что-то поймёшь». Но Марк не был уверен, что хочет что-то понимать. Игнорировать предупреждения было легче.

Вернувшись в лавку, он застал Алису за необычным занятием. Она переставляла горшки с цветами — не просто так, а по какой-то своей системе. Марк заметил, что чёрная орхидея теперь стояла не на подоконнике, а в центре комнаты, окружённая кольцом из белых лилий. Как король на троне.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Создаю порядок, — ответила Алиса, не оборачиваясь. — Раньше цветы стояли хаотично. Они не чувствовали себя в безопасности. Теперь у каждого есть своё место.

Марк оглядел оранжерею. Действительно, всё было расставлено иначе: высокие растения позади, низкие — впереди, цветущие — ближе к свету, зелёные — в полутени. В этой симметрии было что-то тревожное, как в саду, который слишком правильный, чтобы быть живым.

— Алиса, — осторожно начал Марк. — Ты не думала, что нужно... ну, провериться у врача? Ты мало ешь, почти не спишь, говоришь с цветами.

— Цветы слушают лучше, чем люди, — отрезала она. — И я не больна. Я никогда не чувствовала себя лучше.

Она повернулась к нему, и Марк увидел, что её глаза изменились. В них появился блеск — лихорадочный, нездоровый. Зрачки снова были расширены, хотя в оранжерее горело достаточно ламп.

— Иди сюда, — позвала она, протягивая руку.

Марк подошёл. Она взяла его ладонь и прижала к своей груди — там, где сердце. И он почувствовал, что сердце бьётся не ритмично, а странно — то замирая, то ускоряясь, как птица в клетке.

— Чувствуешь? — спросила она. — Оно поёт.

— Сердце не поёт, — тихо сказал Марк. — Сердце качает кровь.

— Моё поёт. Оно всегда пело. Просто раньше я не слышала.

Она отпустила его руку и вернулась к цветам. Марк стоял и смотрел на неё, чувствуя, как между ними снова вырастает та невидимая стена — холодная, плотная, как стекло оранжереи. Он вспомнил слова Гектора: «Слишком необыкновенные часто оставляют на сцене больше, чем планируют». И ему стало страшно.

На следующий день они поехали в театр на первую репетицию.

Зал «Ройяла» пустым выглядел огромным и враждебным. Красные бархатные кресла стояли ровными рядами, как солдаты перед боем. Сцена была тёмной, занавес опущен. Харрис встретил их в фойе и провёл за кулисы.

— Мы оставили вам центральный круг, — сказал он, указывая на отмеченное мелом место на сцене. — Отсюда лучший звук. Акустика здесь уникальная: голос не теряется, а отражается от купола и возвращается с усиленной громкостью.

Алиса вышла на сцену. Она была в простом сером платье, без косметики, с распущенными волосами. Но как только она ступила на доски, её фигура изменилась. Она выпрямилась, подняла голову, и в ней появилась та самая сценическая стать, которую Марк видел только у настоящих артистов.

— Можно попробовать? — спросила она у Харриса.

— Разумеется, — кивнул тот. — Звукорежиссёр уже на месте.

Алиса закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. И запела.

Звук, который вырвался из её горла, был таким мощным, что Марк инстинктивно пригнулся. Это была не знакомая ей колыбельная — нет, что-то другое, чужое и древнее. Она пела на языке, которого Марк никогда не слышал, но который казался ему почему-то знакомым, словно он знал его во сне.

Стены театра задрожали. Люстры зазвенели — тысячи хрустальных подвесок запели в ответ. Алиса пела, и её голос поднимался всё выше, выше, пока не достиг такой ноты, что у Марка заложило уши.

— Хватит! — крикнул Харрис. — Пожалуйста, хватит!

Алиса замолкла так же внезапно, как и начала. Открыла глаза и посмотрела в зал. На её лице было выражение удивления — такое, будто она сама не ожидала, что сможет издать этот звук.

— Что это было? — спросил Марк, выходя из-за кулис. У него звенело в ушах.

— Это была «Ave Maria», — сказал Харрис, медленно приближаясь. — Но не Шуберта. Гораздо более старая. Средневековая, наверное. Откуда вы её знаете?

Алиса покачала головой.

— Я не знаю, — прошептала она. — Она просто... пришла. Как будто кто-то вложил её мне в голову.

— Это голос, — сказал Харрис, и в его голосе звучало благоговение, смешанное с ужасом. — Такой голос рождается раз в столетие. Но он никогда не приходит один.

— Что значит «не приходит один»? — спросил Марк.

Харрис посмотрел на него долгим взглядом.

— За таким голосом всегда следует что-то тёмное. Муза и демон — две стороны одной медали.

Марк хотел спросить, что именно следует, но Алиса вдруг пошатнулась и схватилась за грудь. Лицо её побледнело, губы посинели.

— Мне плохо, — прошептала она. — Тошнит.

Марк подбежал к ней, подхватил, не дал упасть. Она весила так мало, словно внутри неё не осталось плоти — одни кости и голос.

— Воды, — сказал он Харрису. — Пожалуйста.

Харрис принёс стакан воды. Алиса выпила, закашлялась. В горле у неё что-то хрустнуло — не так, как хрустят суставы, а так, как хрустит стебель, когда его переламывают.

— Я в порядке, — сказала она, отстраняясь. — Просто перенервничала.

— Мы уезжаем, — твёрдо сказал Марк. — Репетиции закончены. Ты будешь отдыхать до двадцатого.

— Но...

— Никаких «но». Ты не должна себя убивать до выступления.

Алиса не спорила. Она позволила увести себя со сцены, но на прощание оглянулась на зал. Её взгляд скользнул по креслам, по люстрам, по куполу, и Марку показалось, что она прощается не с театром, а с чем-то большим. С чем-то, что жило в ней и требовало выхода.

По дороге домой Алиса заснула прямо в автобусе, привалившись к плечу Марка. Она дышала тихо и ровно, но иногда вздрагивала, и тогда её губы начинали шевелиться, выговаривая беззвучные слова. Марк смотрел в окно на проплывающие фонари и думал о том, что сказал Гектор: «Слишком необыкновенные часто оставляют на сцене больше, чем планируют».

Что именно Алиса оставит? Голос? Память? Жизнь?

Он не знал. И боялся узнать.

Вернувшись, домой, Марк уложил её в постель, а сам пошёл в оранжерею. Чёрная орхидея стояла на своём месте — в центре комнаты, окружённая белыми лилиями. Фигурка внутри цветка теперь была отчётливо видна. У неё можно было различить голову, туловище, крошечные ручки и ножки, прижатые к животу. Она не была похожа на младенца — слишком скрю-

ченная, слишком корявая. Она напоминала засохший корень, который случайно принял человеческую форму.

Марк протянул руку, чтобы потрогать лепестки, но в последний момент отдернул пальцы. Ему показалось, что цветок пульсирует — горячей, влажной пульсацией, как открытая рана.

— Что ты такое? — прошептал он.

Цветок не ответил. Но в тишине оранжереи Марку послышался смех. Тонкий, далёкий, похожий на звон стекла.

Или на голос Алисы, когда она брала самую высокую ноту.

Он вышел из оранжереи и плотно закрыл дверь. И дал себе слово, что двадцатого декабря, после выступления, он уничтожит этот цветок. Вырвет с корнем и сожжёт.

Потому что орхидея, выросшая на костях, не приносит ничего, кроме смерти.

Но Марк не знал, что кости — это не только прошлое. Это ещё и будущее, которое уже начало прорастать в темноте, питаясь его любовью и страхом. И оно не собиралось отпустить ни его, ни Алису.

Глава 4. Театр, где не нашли тела

Двадцатое декабря наступило серое и тяжёлое, как свинцовая плита.

Марк проснулся засветло, хотя солнца не было — за окнами висела та же молочная пелена тумана, что и всю последнюю неделю. Алиса спала рядом, свернувшись клубочком, и её дыхание было таким тихим, что Марк на секунду испугался — не умерла ли она во сне. Но нет, грудь мерно поднималась, и браслет на её руке слабо мерцал в предрассветных сумерках.

Он не стал её будить. Выскользнул из постели, накинул халат и пошёл в оранжерею. Ему нужно было увидеть чёрную орхидею — проверить, не случилось ли с ней чего-то за ночь. В последние дни он проверял цветок по нескольку раз за день, сам не зная, чего боится. Что орхидея завянет? Или, наоборот, распустится ещё больше, выпустив наружу ту странную фигурку, которая уже несколько недель росла в её сердцевине?

Когда он вошёл в оранжерею, воздух показался ему тяжелее обычного. Влажный, почти липкий, он пах не цветами и землёй, а чем-то сладковато-гнилостным — как фрукты, которые начали портиться изнутри. Марк включил свет и замер.

Чёрная орхидея стояла на своём месте в центре комнаты, окружённая кольцом белых лилий. Лилии за ночь распустились все до единой — хотя обычно они раскрываются постепенно, по несколько штук в день. Теперь они белели в полумраке, как черепа, и их тяжёлый, дурманящий запах смешивался с гнилостным ароматом орхидеи.

Но не это было страшнее всего.

Фигурка внутри цветка исчезла.

Марк подошёл ближе, взгляделся. В центре орхидеи, там, где раньше находился тот скрюченный зародыш, теперь зияла маленькая чёрная пустота — как пуповина, от которой отрезали плод. Лепестки были целы, тычинки тоже, но то, что росло между ними, пропало. Исчезло. Растворилось.

— Нет, — прошептал Марк. — Этого не может быть.

Он осторожно раздвинул лепестки пальцами. Внутри было сухо и пусто. Только на самом дне цветка, в углублении чашелистика, блестела капля жидкости — тёмной, почти чёрной, похожей на загустевшую кровь. Марк поднёс палец, но не решился прикоснуться.

Из спальни донёсся звук — Алиса проснулась и звала его. Голос у неё был сонным, чуть хриплым, но обычным, без той металлической нотки, которая появилась в последние дни.

— Марк? Ты где?

— Здесь, — отозвался он, выходя из оранжереи и закрывая за собой дверь. — В цветах.

Он не стал рассказывать ей об орхидее. Не сегодня. Сегодня должен был быть её день — день, когда она впервые выйдет на большую сцену и споёт так, что весь город ахнет. Нельзя было омрачать этот день странными страхами и глупыми суевериями.

Алиса уже сидела на кровати, протирая глаза. Она выглядела отдохнувшей — впервые за последнюю неделю. Щёки порозовели, тени под глазами исчезли, и даже браслет на её руке, казалось, светился мягче и теплее.

— Доброе утро, — сказала она, потягиваясь. — Сегодня большой день.

— Огромный, — согласился Марк, садясь рядом и обнимая её за плечи. — Ты готова?

— Кажется, да. — Она помолчала. — Мне снился странный сон. Будто я стою на сцене, и в зале нет никого, кроме цветов. Тысячи цветов сидят в креслах, как люди, и смотрят на меня. И когда я запела, они начали распускаться. Все сразу. Весь зал стал одним огромным цветком.

— Красивый сон, — сказал Марк, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Я не знаю, красивый ли, — ответила Алиса. — В конце сцена провалилась, и я упала в темноту. А когда упала, оказалось, что я не падаю, а лечу. И вокруг меня — звёзды. Или споры. Я не поняла.

Марк поцеловал её в макушку.

— Сны — это просто сны, — сказал он. — Сегодня всё будет хорошо.

До вечера они готовились.

Марк отвёз в театр корзину с цветами — искусственными, как того требовали правила «Ройяла». Он долго спорил с Харрисом, можно ли принести настоящие, но старый директор был непреклонен: «Правило есть правило. Живые цветы на сцене запрещены с 1923 года». Марк не стал настаивать. Искусственные розы и лилии, сделанные из шёлка и бумаги, выглядели почти как настоящие, особенно издали.

Алиса осталась дома, чтобы подготовиться. Она приняла долгую ванну с маслом жожоба, вымыла волосы, надела платье — то самое, синее, как вечернее небо, в котором Марк впервые увидел её по-настоящему красивой. Она почти не пользовалась косметикой — только чуть подвела глаза и нанесла бледно-розовую помаду. Когда она вышла из спальни, Марк забыл, как дышать.

— Ты прекрасна, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Ты тоже ничего.

Он был в чёрном костюме, который надевал всего дважды в жизни — на похороны матери и на свадьбу друга, который теперь жил в Австралии и не звонил. Костюм висел мешковато, но Алиса сказала, что так даже лучше — «ты похож на поэта, у которого нет денег на портного».

Они вышли из дома в сумерках. Туман немного рассеялся, но воздух оставался влажным и холодным. Горели фонари, и их жёлтый свет падал на мокрый асфальт, создавая ореолы, похожие на нимбы. Марк поймал себя на мысли, что всё происходящее похоже на сон — или на фильм, который он смотрит со стороны.

В театре уже собирались гости. Харрис разослал приглашения — не много, человек пятьдесят: старые друзья театра, знакомые музыканты, пара критиков из местных газет. Все сидели в фойе, пили шампанское и перешёптывались. Марк заметил среди них Гектора — старый гримёр пришёл в помятом пиджаке, но с идеально завязанным галстуком. Гектор поймал взгляд Марка и едва заметно покачал головой. Предупреждение? Или просто дурное настроение?

— Всё будет хорошо, — прошептал Марк себе под нос, отводя Алису к служебному входу.

В гримёрной пахло пудрой и старым деревом. Алиса села перед зеркалом, окружённая лампочками, как кинозвезда. Марк стоял за её спиной и смотрел на их отражения — двое молодых людей, почти красивых, почти счастливых. «Почти» — это слово преследовало его в последние дни.

— Ты будешь сидеть в первом ряду? — спросила Алиса, поправляя браслет.

— В первом. Слева. Чтобы ты могла видеть меня.

— А я буду петь для тебя, — сказала она. — Для всех остальных — просто так.

Кто-то постучал в дверь. Это был Харрис.

— Через десять минут, — сказал он. — Вы готовы?

— Готова, — ответила Алиса.

Марк наклонился и поцеловал её в щёку.

— Удачи, — прошептал он.

— Мне не нужна удача, — улыбнулась она. — Мне нужен только ты.

Он вышел в зал и сел в первое кресло слева. Вокруг него рассаживались зрители. Кто-то кашлял, кто-то шелестел программками. Свет в зале притушили, занавес был ещё закрыт. Марк почувствовал, как колотится его сердце — гулко, тяжело, как кузнечный молот.

Занавес поехал вверх.

Сцена была пуста. Только в центре стояла корзина с искусственными цветами — теми самыми, которые Марк принёс днём. И Алиса. Она вышла из-за кулис медленно, плавно, как

привидение. В синем платье, с распущенными волосами, без микрофона — Харрис сказал, что в этом зале микрофон не нужен, голос и так слышен в каждой точке зала.

Алиса поклонилась. Зал ответил жидкими аплодисментами — народ ещё не понял, чего ждать. Она закрыла глаза. Сделала тот самый глубокий вдох, который Марк уже видел на репетиции. И запела.

Сначала это была «Casta Diva» — та самая ария Нормы, которую Алиса любила больше всего. Голос вырвался из неё чистый и сильный, но не агрессивный — мягкий, как бархат, и в то же время пронзительный, как игла. Марк почувствовал, как по спине побежали мурашки. Рядом с ним кто-то всхлипнул — женщина в синем, средних лет, вытирала слёзы.

Цветы в корзине — искусственные, шёлковые — шевельнулись. Марк сначала подумал, что ему показалось. Но нет. Лепестки бумажных роз слегка колебались, хотя никакого ветра на сцене не было. Алиса пела, и шёлк отзывался на её голос, как настоящий.

«Это невозможно», — подумал Марк. Но понимал, что для Алисы нет ничего невозможного.

Ария закончилась. Зал взорвался аплодисментами. Алиса открыла глаза, улыбнулась и поклонилась. Затем посмотрела в зал — прямо на Марка. На секунду их взгляды встретились, и он увидел в её глазах не только радость, но и что-то ещё. Что-то тёмное, что росло в ней вместе с голосом.

— Спасибо, — сказала она в зал. Её голос, усиленный акустикой, звучал непривычно громко. — Следующая ария — старинная. Я не знаю её названия. Она пришла ко мне во сне.

Зал затих. Алиса закрыла глаза снова. И запела вторую арию — ту самую, которую Марк слышал на репетиции. Низкую, тягучую, на незнакомом языке. Воздух в зале сгустился. Кто-то из зрителей закашлялся — но не от простуды, а от странного, сладковатого запаха, который вдруг наполнил зал. Запах был такой, будто вокруг распустились тысячи цветов, хотя цветов в зале не было — одни искусственные.

Марк посмотрел на корзину с цветами. И у него перехватило дыхание. Бумажные и шёлковые лепестки наливались цветом — розы становились алыми, лилии — белоснежными, даже зелень стеблей казалась сочной и живой. Искусственные цветы превращались в настоящие. Прямо на глазах у всех.

— Боже мой, — прошептал кто-то в первом ряду.

Алиса пела, не замечая ничего вокруг. Её голос поднимался всё выше, выше, и люстры в зале начали звенеть — сначала тихо, потом громче, и вот уже все хрустальные подвески пели в унисон с ней, создавая какофонию звуков, от которой закладывало уши.

И тогда Марк увидел огонь.

Сначала маленький язычок пламени лизнул край занавеса. Потом второй — у самого пола. Через несколько секунд занавес горел уже всюду, и огонь быстро распространялся на кулисы, на деревянные декорации, на балки под потолком.

— Пожар! — закричал кто-то в зале.

Люди повыскакивали с мест. Кто-то побежал к выходу, кто-то пытался тушить огонь пиджаками. Но пламя росло слишком быстро — казалось, оно питается не только деревом и тканью, но и голосом Алисы, который становился всё громче и пронзительнее.

Марк вскочил и рванул к сцене.

— Алиса! — закричал он. — Алиса, остановись!

Она не слышала. Или не хотела слышать. Она стояла в центре сцены, окружённая огнём, и пела. Её лицо было бледным, как полотно, но глаза горели — тёмным, безумным огнём, отражением пламени вокруг. Браслет на её руке сверкал так ярко, что на него больно было смотреть.

Марк вбежал на сцену. Жар ударил в лицо, как из открытой печи. Он закашлялся, зажмурился, но продолжал идти вперёд, протягивая руки к Алисе.

— Возьми меня за руку! — крикнул он. — Пожалуйста!

Алиса открыла глаза. На секунду в них вернулась осмысленность — она увидела Марка, узнала его. Её губы шевельнулись, пытаясь произнести его имя. Но вместо слов из горла вырвалась всё та же ария — громкая, жуткая, невозможная.

Потолок над сценой затрещал. Огромная балка, объятая пламенем, рухнула вниз, перегородив путь Марку. Он отшатнулся, прикрывая лицо от искр. А когда поднял голову, Алиса исчезла.

— Алиса! — закричал он, бросаясь вперёд, но чьи-то сильные руки схватили его сзади и потащили прочь.

— Уходи! — орал Харрис, волоча Марка к выходу. — Всё сгорит! Уходи!

— Алиса там! — Марк вырывался, но старик держал крепко. — Она там, я видел!

— Её там нет, — сказал Харрис, и голос его был странно спокоен. — Посмотри. На сцене никого.

Марк повернул голову. Сквозь дым и пламя он увидел пустую сцену. Алиса исчезла. Не упала, не убежала — просто растворилась в воздухе, как будто её и не было никогда.

Пожар тушили три часа.

Приехало пять машин, полтора десятка пожарных. Театр «Ройял» выгорел почти полностью — уцелели только каменные стены и фасад с кариатидами. Внутри всё превратилось в чёрное месиво из обгоревшего дерева, расплавленного металла и пепла.

Марк сидел на противоположной стороне улицы, укутанный в одеяло, которое дала какая-то женщина из соседнего дома. Он не плакал. Он просто сидел и смотрел, как пожарные выносят из здания обугленные обломки.

— Тело не нашли, — сказал старший пожарный, подходя к нему. — Ни в зрительном зале, ни на сцене. Никаких останков. Ваша девушка могла выбраться через запасной выход до того, как огонь перекрыл пути.

— Она не выбралась, — тихо сказал Марк. — Я видел. Она исчезла.

Пожарный переглянулся с коллегой. Они думали, что у парня шок, что он говорит несурьезности. Марк не стал спорить.

Ему дали стакан воды, отвели в участок, задали вопросы. Он отвечал односложно, не глядя на полицейских. В голове у него была только одна картинка — Алиса в центре сцены, окружённая огнём, и её глаза, горящие чёрным светом.

Под утро его отпустили. Он вернулся домой пешком — шёл по пустым, мокрым от тумана улицам, не чувствуя ног. Дверь в лавку была открыта — он забыл запереть её, уезжая в театр. В оранжерею горел свет.

Чёрная орхидея стояла на своём месте. Лепестки её были раскрыты полностью, и на них блестели капли воды — или слёз. А в центре, там, где раньше была пустота, снова росла фигурка. Но теперь она была больше. Гораздо больше. У неё появились черты лица — тонкие, неестественно правильные. Она напоминала...

Марк отшатнулся. Фигурка напоминала Алису.

Он схватил горшок, выбежал из оранжереи и швырнул его об стену в переулке. Горшок разбился, земля рассыпалась, чёрные корни орхидеи извивались на мостовой, как черви. Марк наступил на цветок каблуком, растёр в грязь. Потом ещё раз. Потом ещё, пока от лепестков не осталось мокрое пятно.

Он вернулся в дом, рухнул на кровать и провалился в сон без сновидений.

А утром, когда проснулся, пошёл в оранжерею — засохшие цветы, пустые горшки, тишина. И на подоконнике, там, где раньше стояла чёрная орхидея, лежал браслет. Золотая цепочка с чёрным бутоном.

Браслет Алисы.

Тот самый, который был на её руке, когда она пела в театре.

Марк взял браслет в руки. Металл был холодным, а бутон — сухим и твёрдым, как камень. Он поднёс его к лицу и понюхал. Пахло гарью. И ещё чем-то сладким, знакомым — духами «Чёрный лотос».

Он сел на пол оранжереи, обнял колени и заплакал. Впервые за много лет. Плакал долго, навзрыд, как ребёнок. А когда слёзы кончились, осталась только пустота. Та самая пустота, которую не заполнить даже самыми красивыми цветами.

Тело Алисы так и не нашли. Ни тогда, ни через год, ни через три. Полиция закрыла дело за отсутствием состава преступления. В театре «Ройял» так и не восстановили — здание стояло заброшенным, пока через пять лет его не снесли, построив на том месте парковку.

Но Марк знал правду. Алиса не сгорела. Она проросла. Где-то в темноте, под землёй, среди корней и пепла, она ждала своего часа. Ждала, когда Марк снова начнёт поливать браслет кровью.

И он начал.

Спустя три года, когда боль притупилась настолько, что стала терпимой, он взял иглу и проколол палец. Капля упала на чёрный бутон. Бутон шевельнулся.

И в ту же ночь ему приснилась оранжерея, полная чёрных цветов, и голос, поющий без слов.

Голос Алисы.

Или не её.

Глава 5. Кровь вместо воды

Первые три месяца после пожара Марк прожил как в тумане.

Он почти не выходил из дома. Занавесил окна в спальне чёрной тканью, чтобы не видеть дневного света. Не брился, не мылся, не ел — только пил воду и иногда жевал сухой хлеб, когда живот начинало сводить от голода. Он сидел в оранжерее среди засыхающих цветов и смотрел на пустой подоконник, где раньше стояла чёрная орхидея. Браслет он спрятал в ящик комода — не мог на него смотреть. Золотая цепочка и чёрный бутон напоминали ему о том, чего он лишился. О том, кого он не смог спасти.

Ему снились одни и те же сны. Алиса стояла в центре горящего театра и пела. Марк бежал к ней, но расстояние не сокращалось — чем быстрее он бежал, тем дальше она становилась. А потом сцена проваливалась, и он падал в бесконечную чёрную пустоту, где не было ни звука, ни света, только запах гари и сладких духов «Чёрный лотос».

Иногда он просыпался с криком. Иногда — с мокрым от слёз лицом. Иногда не просыпался вовсе — просто лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, и ждал, когда наступит утро.

Клиенты звонили. Сначала каждый день — спрашивали, когда откроется лавка, когда можно будет забрать заказы. Марк не отвечал. Потом звонки стали реже — раз в два-три дня. Потом раз в неделю. Потом смолкли совсем. Люди быстро забывают тех, кто исчезает из их поля зрения.

Гектор пришёл через месяц. Старый гримёр постучал в дверь, и когда Марк не открыл, просунул под дверь записку: «Ты не виноват. Её голос был сильнее огня. Приходи в себя, мальчик». Марк прочитал записку и сжёг её на газовой плите, глядя, как бумага скручивается в пепел.

Харрис прислал письмо с соболезнованиями. Он писал, что театр не будут восстанавливать — страховка не покрыла ущерб, а городские власти решили снести здание и построить на его месте парковку. «Алиса была талантливейшей певицей, какую мне доводилось слышать, — писал Харрис. — Её голос останется в моей памяти навсегда. Примите мои искренние соболезнования». Марк не ответил на письмо. Он вообще перестал отвечать кому-либо.

К концу третьего месяца он понял, что если так продолжится, он умрёт. Не от голода — от безволия. Он просто перестанет существовать, растворится в тоске, как аспирин в стакане воды. И тогда — может быть, впервые за всё это время — он подумал о цветах.

Он встал, пошёл в ванную, посмотрел на себя в зеркало. Из зеркала на него смотрел чужой человек — с впалыми щеками, чёрными кругами под глазами, отросшей щетиной и тусклым, мёртвым взглядом. Марк долго разглядывал себя, потом включил воду, побрился, принял душ. Надел чистую одежду. Вышел в оранжерею.

Большинство растений засохли. Лилии превратились в коричневые скелеты, розы осыпались, оставив только голые шипастые стебли. Кактусы ещё держались — они вообще живучие, — но даже они съжились и пожелтели. Марк обошёл оранжерею, трогая сухие листья, и вдруг почувствовал странное спокойствие. Смерть цветов была ему понятна. Она была честной. Она не обманывала, как жизнь.

Он взял лейку, налил воды и начал поливать уцелевшие растения. Его руки двигались автоматически, без мысли, как у механической куклы. Он полил кактусы, потом фикус, потом увядшую герберу. И когда он уже собирался поставить лейку на место, его взгляд упал на ящик комода — тот самый, где лежал браслет.

Он не собирался его доставать. Он поклялся себе, что никогда больше не прикоснётся к этой вещи. Но руки зажали своей жизнью. Они открыли ящик, нащупали холодный металл, вытащили браслет на свет.

Бутон на цепочке выглядел мёртвым. Чёрным, сухим, сморщенным — как мумия цветка. Марк провёл по нему пальцем, и чешуйка высохшего лепестка отвалилась и упала на пол. Он поднял её, растёр между пальцами — она рассыпалась в пыль.

— Зачем ты мне это оставила? — прошептал он, обращаясь к пустой оранжерее. — Чтобы я мучился?

Браслет не ответил. Конечно.

Марк положил его на подоконник — туда, где раньше стояла чёрная орхидея. Он не знал, зачем это сделал. Может быть, чтобы напоминание о ней всегда было перед глазами. Может быть, чтобы наказать себя. А может быть, из глупой, детской надежды, что если посадить бутон в правильное место, он снова прорастёт.

В тот же вечер он порезался.

Он готовил ужин — впервые за долгое время — и нарезал помидоры тупым ножом. Лезвие соскользнуло с твёрдой шкурки и полоснуло по подушечке указательного пальца. Марк выругался, сунул палец в рот, чтобы остановить кровь. Кровь была тёплой и солёной.

Он не знал, почему подошёл к подоконнику. Какая-то неведомая сила толкнула его. Он вынул палец изо рта — кровь всё ещё сочилась, капала на пол. И Марк, не думая, протянул руку над браслетом. Капля упала на чёрный бутон.

Бутон шевельнулся.

Марк замер, не веря своим глазам. Ему показалось, или сухой, мёртвый цветок действительно дрогнул? Он наклонился ближе, вглядываясь. Бутон лежал неподвижно — чёрный, сморщенный, как и раньше. «Показалось», — решил Марк. Усталость, недосып, галлюцинации.

Но на следующий день бутон изменился.

Он стал чуть-чуть крупнее. Всего на миллиметр, но Марк заметил. И цвет его из мёртво-чёрного превратился в тёмно-бордовый, почти фиолетовый — как засохшая кровь. Марк провёл пальцем по поверхности бутона. Она была уже не сухой, а влажной. Чуть липкой. Как свежая рана.

С этого дня начался ритуал.

Сначала Марк поливал бутон своей кровью раз в неделю. Он делал маленький надрез на пальце, выдавливал две-три капли на чёрный лепесток и ждал. Бутон впитывал кровь, как губка — не оставляя следов. И после каждого кормления он становился чуть больше, чуть живее, чуть ярче.

Через месяц бутон раскрылся.

Это случилось ночью. Марк проснулся от странного запаха — сладкого, приторного, похожего на запах разлагающихся фруктов. Он вскочил с кровати и побежал в оранжерею. Браслет лежал на подоконнике, и бутон на нём распустился в крошечный цветок — не больше ногтя, но уже узнаваемый. Чёрные лепестки, фиолетовая сердцевина. Миниатюрная копия той орхидеи, которую Марк уничтожил.

— Алиса, — прошептал он, прикасаясь к цветку. — Это ты?

Цветок, конечно, не ответил. Но Марку показалось, что лепестки под его пальцами потеплели, стали почти горячими. Как живое тело.

Он больше не мог остановиться.

Ритуал стал ежедневным. Каждое утро и каждый вечер Марк брал иглу — тонкую, стерильную, купленную в аптеке — и прокалывал палец. Три капли крови падали на цветок. Цветок раскрывался всё шире. Лепестки его росли, становясь длиннее и тоньше. А в центре начала формироваться та самая странная фигурка — зародыш, похожий на скрюченного младенца, которого Марк видел в первой чёрной орхидее.

Он знал, что это ненормально. Он понимал, что здоровый человек не должен впускать в свою жизнь такие вещи. Но тоска по Алисе была сильнее голоса разума. В его сознании

цветок стал последней нитью, связывающей его с ней. Если цветок умрёт — умрёт и последняя надежда. А надежда была единственным, что заставляло его просыпаться по утрам.

К шестому месяцу Марк почти перестал выходить на улицу. Он заказывал продукты с доставкой, оплачивал счета онлайн, а с клиентами не общался вовсе — лавка была закрыта, и табличка «Орхидея Марка» запылилась на двери. Соседи привыкли к тому, что странный цветочник стал отшельником. Иногда кто-нибудь из них звонил в дверь — проведать, не умер ли. Марк не открывал. Он сидел в оранжерее и смотрел, как растёт цветок.

Браслет уже нельзя было носить на руке. Цветок разросся настолько, что свисал с подоконника тяжёлой гроздью бутонов. Корни — тонкие, красноватые, как прожилки — оплели оконную раму и тянулись к полу. Марк пересадил орхидею в большой глиняный горшок, поставила её на то самое место — в центр оранжереи, как когда-то сделала Алиса с первой чёрной орхидеей.

Фигурка внутри цветка теперь была размером с кулак. У неё появились глаза — закрытые, но отчётливые, с длинными ресницами. Губы — тонкие, изогнутые в лёгкой полуулыбке. Руки — прижатые к груди, с крошечными пальчиками, на которых Марк иногда замечал блеск — как будто ногти.

Он разговаривал с фигуркой. Шёпотом, по ночам, когда город затихал, и никто не мог его услышать.

— Ты станешь ею? — спрашивал он. — Ты станешь Алисой?

Фигурка не отвечала. Но иногда Марку казалось, что её веки слегка подрагивают. Как будто она видит сон. Или пытается проснуться.

Гектор пришёл снова — через полгода после пожара. Старик постучал в дверь, подождал, постучал ещё раз. Марк замер в оранжерее, прислушиваясь. Он узнал этот стук — короткий, решительный, с паузами между ударами. Гектор.

— Марк, открой, — сказал старик через дверь. — Я знаю, ты там. Я вижу свет в окнах. Марк молчал.

— Я не уйду, — добавил Гектор. — Можешь не открывать, но я буду сидеть здесь, пока не договорюсь.

Марк выругался про себя, подошёл к двери, отодвинул засов. Гектор стоял на пороге — постаревший, сгорбленный, с новым шрамом над левой бровью. В руках он держал пакет с продуктами: хлеб, сыр, бутылка красного вина.

— Ты выглядишь хуже, чем в прошлый раз, — сказал Гектор, входя. — А в прошлый раз ты выглядел как мертвец.

— Спасибо за комплимент, — буркнул Марк.

Гектор прошёл в оранжерею и остановился, как вкопанный. Его взгляд упал на чёрную орхидею в центре комнаты. Фигурка внутри цветка была уже хорошо различима — маленькое, скрюченное тело с чертами лица.

— Что это, чёрт возьми? — спросил Гектор, и в голосе его прозвучал не страх — ужас.

— Моя надежда, — ответил Марк.

Гектор медленно приблизился к цветку. Он смотрел на фигурку, и его лицо становилось всё блее. Потом он перевёл взгляд на Марка — на его исхудавшее лицо, тёмные круги под глазами, на пальцы, унизанные мелкими порезами и проколами.

— Ты кормишь его кровью, — сказал Гектор. Это был не вопрос.

— Я поливаю цветок, — ответил Марк. — Как любой садовник.

— Цветы поливают водой, Марк. А это — не цветок. Это... я не знаю, что это. Но это не цветок.

— Алиса пела — и цветы росли, — сказал Марк. — Я не пою. Я могу только давать кровь. Так работает равновесие.

Гектор схватил его за плечи. Пальцы старика были цепкими, несмотря на возраст.

— Послушай меня, мальчик, — сказал он, глядя прямо в глаза. — Ты не воскрешаешь Алису. Ты создаёшь монстра. То, что растёт в этом цветке — не она. Оно никогда не будет ею. У него нет души, нет памяти, нет любви. Только голод.

— Откуда ты знаешь? — спросил Марк, отстраняясь. — Ты ботаник? Биолог? Нет. Ты старый гримёр, который всю жизнь красил чужие лица.

— Я видел такое раньше, — тихо сказал Гектор. — В молодости, когда работал в другом театре. Там была женщина, которая пыталась вырастить ребёнка из цветка. Она потеряла дочь и думала, что сможет вернуть её, если посадить в горшок волосы покойной и поливать их кровью.

— И что случилось?

— Цветок вырос. Большой, красивый, с лицом, похожим на лицо её дочери. Но когда он раскрылся полностью, из него выползло существо. Без кожи, без глаз, безо рта. Оно издавало звук — не крик, не плач, а что-то среднее. И умерло через минуту, не прожив и дня. А женщина сошла с ума. Её нашли в оранжерее через неделю — она обняла горшок и засохла сама. Как цветок.

Марк слушал, но слова Гектора скользили по нему, не проникая внутрь. Его вера в то, что цветок вернёт ему Алису, была слишком сильной, чтобы поколебать её страшными историями.

— Уходи, — сказал он. — Уходи и не приходи больше.

— Марк...

— Уходи, или я вышвырну тебя сам.

Гектор посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Потом развернулся и направился к двери. На пороге он остановился.

— Берегись того, что раскроется в этом цветке, — сказал он, не оборачиваясь. — Оно будет похоже на человека. Оно может даже говорить её голосом. Но это не она. Запомни мои слова.

Дверь закрылась. Шаги Гектора затихли в подъезде.

Марк остался один. Он подошёл к орхидее, погладил лепестки. Фигурка внутри показалась ему чуть больше, чем утром. И веки её — Марк поклялся бы — чуть-чуть дрогнули.

— Ты станешь ею, — прошептал он. — Ты должна.

Он взял иглу и проколол палец в десятый раз за сегодня.

К первому годовщине пожара Марк превратился в тень себя прежнего. Он весил килограммов пятьдесят при росте метр восемьдесят, кожа его приобрела сероватый оттенок, а глаза ввалились так глубоко, что казались двумя чёрными дырами. Он почти не спал — боялся пропустить момент, когда фигурка в цветке начнёт двигаться.

Орхидея теперь занимала половину оранжереи. От неё тянулись побеги, которые оплели стены, мебель, даже потолок. Цветы распускались гроздьями — чёрные, бархатистые, с красными жилками. Они пахли так сильно, что запах чувствовался даже на улице, и соседи жаловались в полицию. Но полиция, проверив квартиру, не нашла ничего криминального — только множество цветов и худого, немного странного мужчину, который утверждал, что выращивает редкий сорт орхидей.

Фигурка внутри главного цветка теперь была размером с новорождённого младенца. У неё были руки, ноги, туловище и голова с закрытыми глазами. Кожа — бледная, почти прозрачная, так что сквозь неё просвечивали синие нити сосудов. Марк мог различить черты лица: высокие скулы, тонкие губы, длинные ресницы. Это было лицо Алисы. Точно её лицо.

Он плакал, глядя на неё. Слезы капали на лепестки, и Марк заметил, что цветок впитывает их так же жадно, как кровь. «Она пьёт мои слёзы», — подумал он. И почему-то обрадовался.

Он уже не помнил себя до Алисы. Ему казалось, что он всегда был таким — одиноким, одержимым, сидящим среди цветов и ждущим чуда. Мать, лавка, обычная жизнь — всё это стёрлось из памяти, заменившись на одну-единственную цель: вырастить Алису заново.

Однажды ночью — это случилось в годовщину пожара, ровно через год — Марк сидел в оранжерее и пил вино прямо из горлышка. Он был пьян и сентиментален. Он рассказывал цветку о том, как они с Алисой познакомились, как она впервые зашла в лавку, как они смеялись над глупыми шутками.

— Ты помнишь? — спросил он фигурку. — Ты помнишь тот дождь? Твой сломанный зонт?

И в этот момент фигурка открыла глаза.

Они были чёрными. Без белков, без радужки — просто две чёрные бездны, смотрящие на Марка. Он замер, не дыша. Сердце его колотилось так сильно, что он слышал пульс в ушах.

— Алиса? — прошептал он.

Чёрные глаза моргнули. И губы фигурки — тонкие, бледные — разомкнулись, издав звук. Не крик, не плач, не слово. Просто звук — низкий, вибрирующий, похожий на гул струны.

Марк протянул руку, чтобы прикоснуться к лицу фигурки. Но лепестки орхидеи сомкнулись вокруг неё, пряча от его взгляда.

— Нет, — выдохнул он. — Нет, не прячься. Покажись.

Цветок не ответил. Но на следующее утро, когда Марк проснулся (он всё-таки уснул в кресле под утро), фигурка снова была видна. Её глаза были закрыты. Но на губах застыла улыбка.

Тонкая, едва заметная, но улыбка.

Марк заплакал от счастья.

Он не знал, что улыбка была не для него. Она была для того голода, который рос вместе с цветком. Голода, который уже чувствовал запах его крови, его слёз, его плоти. И который ждал только подходящего момента, чтобы раскрыться полностью.

Но Марк не хотел этого знать. Он хотел верить.

И он верил.

Глава 6. Запах гари от лепестков

После той ночи, когда фигурка открыла глаза, Марк перестал спать вовсе.

Он сидел в оранжерее сутками, уставившись на чёрную орхидею. Ждал. Смотрел. Вслушивался в тишину, надеясь уловить ещё один звук — тот низкий, вибрирующий гул, который вырвался из горла фигурки. Но цветок молчал. Лепестки были плотно сомкнуты, и сквозь их бархатистую черноту нельзя было разглядеть ни глаз, ни улыбки. Только иногда, когда Марк подносил свечу близко к сердцевине, он замечал слабое мерцание — будто внутри горел маленький, почти угасший огонёк.

Он продолжал ритуал. Каждое утро и каждый вечер — три капли крови из пальца. Иглы уже не хватало — кожа на подушечках загубела, покрылась мозолями и мелкими шрамами. Марк перешёл на лезвие: маленькое, острое, как бритва. Он делал надрез на предплечье — там, где тонкая кожа быстро заживала, — и собирал кровь в стеклянную пипетку. Ровно три капли. Ни больше, ни меньше. Ему казалось, что дозировка имеет значение.

Орхидея росла. От неё тянулись новые побеги, оплетая горшок, подоконник, стену. Марк перестал обрезать их — пусть растут, решил он. Пусть заполняют собой всё пространство. Пусть оранжерея превратится в джунгли. Ему нравилась эта мысль: быть погребённым под цветами, которые вырастила его любовь.

Запах в комнате изменился. Раньше орхидеи пахли сладко, приторно — как дорогие духи, разбавленные мёдом. Теперь к сладости примешивалась новая нота: горькая, едкая, похожая на запах гари. Марк знал этот запах. Он чувствовал его в ту ночь в театре, когда горел занавес и пахло раскалённым деревом и плавящимся шёлком.

— Ты помнишь огонь? — спросил он однажды у цветка. — Ты помнишь, как горела?

Лепестки дрогнули — или ему показалось. Из сердцевины вырвался тонкий, едва слышимый звук. Не гул, не стон — что-то среднее между вздохом и шипением. Марк замер, вытянув шею. Звук повторился — громче, отчётливее. И вместе с ним из цветка потянулась тонкая струйка дыма. Чёрного, густого, с запахом горелого мяса.

— Нет, — прошептал Марк, отшатываясь. — Нет, не надо.

Дым рассеялся так же быстро, как и появился. Лепестки сомкнулись плотнее. И наступила тишина.

Марк сидел, прижимая руки к груди, и чувствовал, как колотится его сердце. Это было предупреждение. Или знак. Цветок напоминал ему о том, что случилось. О том, что Алиса погибла в огне. О том, что он не спас её.

— Я не дам тебе сгореть снова, — сказал он, обращаясь к фигурке внутри. — Я буду поливать тебя столько, сколько нужно. Ты проснёшься. Ты станешь живой.

Цветок не ответил. Но Марку почудилось, что из-за лепестков на него смотрит чёрный глаз — бездонный, как колодец.

На следующей неделе случилось нечто, чего Марк не мог объяснить.

Он сидел в оранжерее, перебирая сухие лепестки из «банки памяти» — той самой стеклянной банки, куда он годами складывал засохшие цветы. Он делал это машинально, почти в трансе, когда пальцы наткнулись на что-то твёрдое и гладкое. Марк вытащил предмет и замер.

Это был браслет.

Тот самый браслет, который он положил под цветок год назад. Но он не мог быть здесь — в банке. Марк помнил, что оставил его на подоконнике, а потом, когда орхидея разрослась, браслет исчез под побегами. Он искал его, но решил, что цветок поглотил цепочку, переплавил металл в своих корнях.

И вот браслет лежал у него на ладони. Чистый, блестящий, без единой царапины. И бутон на нём — чёрный, как смоль — был распущен. Не закрыт, как раньше, а полностью раскрыт, с пятью маленькими лепестками и жёлтой серединкой.

— Откуда ты взялся? — спросил Марк у пустой комнаты.

Браслет не ответил. Но когда Марк надел его на запястье, металл нагрелся — стал тёплым, почти горячим. И по коже побежали мурашки. Ему показалось, что кто-то провёл пальцем по его руке — нежно, ласково, как Алиса делала когда-то.

— Ты здесь, — прошептал Марк, прижимая браслет к губам. — Ты со мной.

С этого дня он не снимал браслет. Даже когда мылся, даже когда спал — если ему вообще удавалось заснуть. Браслет стал частью его тела, напоминанием о том, ради чего он живёт.

Но были и другие перемены.

Марк заметил, что цветы в оранжерее начали двигаться. Не расти — двигаться. Медленно, почти незаметно, как стрелки часов. Он мог поклясться, что стебель лилии, стоящей у двери, повернулся в его сторону, когда он вошёл в комнату. А кактус, тот самый маленький круглый, выпустил не один, а сразу пять бутонов — хотя обычно давал один цветок в год, да и то с трудом.

Он не знал, радоваться этому или бояться.

Однажды ночью Марк проснулся от того, что кто-то дышал ему в затылок. Дыхание было тёплым, влажным, с запахом гниющих лепестков. Он резко обернулся — никого. Только стены, покрытые тенями от орхидей. Но на подушке, там, где минуту назад никого не было, лежал чёрный лепесток.

Марк поднял его. Лепесток был свежим, упругим, с капелькой влаги у основания. Как будто его только что сорвали с живого цветка.

— Алиса? — позвал он в темноту.

Тишина. Только трубы гудели в подвале, да за окном шуршал дождь.

Он вышел в оранжерею. Орхидея стояла на своём месте — огромная, чёрная, пульсирующая в свете уличных фонарей. Фигурка внутри была видна отчётливо. Она выросла. Теперь она была размером с годовалого ребёнка — такие пропорции, какие бывают у кукол. Руки и ноги вытянулись, появились пальцы. И лицо... лицо было точной копией лица Алисы.

Марк подошёл ближе. Он протянул руку и дотронулся до лепестков. Они были тёплыми. Пульсировали в такт его сердцу.

— Ты почти готова, — прошептал он. — Ещё немного.

В этот момент фигурка открыла глаза. Те самые чёрные бездны. Но теперь в них не было пустоты — в них горел огонь. Маленький, красный, как тлеющий уголёк.

Губы фигурки разомкнулись. И она произнесла слово.

— Марк.

Голос был точной копией голоса Алисы. Тембр, интонация, даже лёгкая хрипотца, которую он так любил. Марк упал на колени перед цветком, зарыдал, прижимаясь лицом к лепесткам.

— Ты жива, — всхлипывал он. — Ты жива.

— Марк, — повторила фигурка. — Кровь.

Он не понял. Или не захотел понять. Он вытянул руку, показывая браслет.

— Я здесь. Я с тобой. Что тебе нужно?

— Кровь, — снова сказала фигурка. Теперь в её голосе появилось нетерпение. — Ещё.

Марк не стал ждать. Он достал лезвие, полоснул по запястью — глубже, чем обычно. Кровь хлынула ручьём, заливая лепестки, горшок, пол. Орхидея задрожала. Её корни зашевелились, как черви, втягивая красную жидкость.

— Да, — прошептала фигурка. — Да, да, да.

Марк чувствовал, как голова кружится. Кровь уходила из него, уходила в цветок, и вместе с кровью уходила жизнь. Но он не останавливался. Он смотрел, как фигурка растёт на глазах — руки удлиняются, ноги распрямляются, кожа наливается цветом. Она больше не была скрюченным зародышем. Она становилась человеком.

— Ещё, — сказала Алиса — или то, что носило её лицо. — Совсем немного.

Марк потерял сознание.

Он очнулся утром на полу оранжереи. Вокруг него была лужа засохшей крови — тёмной, почти чёрной. На запястье — глубокий порез, который уже перестал кровоточить, но края его были странно зелёными, как будто в рану попали споры.

Орхидея изменилась. Она стояла в центре комнаты — огромная, выше человеческого роста — и её лепестки медленно опадали. Один за другим они падали на пол, кружась в воздухе, как чёрный снег. А там, где раньше была фигурка, теперь зияла пустота.

— Нет, — выдохнул Марк. — Нет, только не снова.

Он вскочил, шатаясь, и рванул к цветку. Раздвинул увядающие лепестки, заглянул внутрь. Пусто. Только на дне, на мягком ложе из тычинок, лежал браслет. Тот самый, который Марк носил на руке. Он снял его? Он не помнил. Но браслет лежал в сердцевине орхидеи, и бутон на нём был закрыт.

— Ты обманула меня, — прошептал Марк. — Ты взяла мою кровь и исчезла.

Голос ответил ему из пустоты. Не из цветка — из воздуха, из стен, из самой тишины.

— Я не исчезла, Марк. Я здесь. Вокруг тебя.

Он завертелся на месте, пытаясь понять, откуда идёт звук. Голос был везде и нигде. Он звучал в шуме труб, в каплях дождя, в шелесте увядающих лепестков.

— Покажись, — потребовал Марк. — Покажись мне.

— Скоро, — ответил голос. — Когда ты будешь готов.

— Я готов сейчас.

— Нет, — голос стал мягче, почти ласковым. — Сейчас ты слаб. Ты отдал слишком много крови. Ты упадёшь, если я приду. А я не хочу, чтобы ты падал. Я хочу, чтобы ты стоял. Чтобы ты встретил меня на равных.

Марк замер. В этих словах было что-то правильное, что-то, с чем он не мог спорить.

— Что мне делать? — спросил он.

— Жди, — сказал голос. — И поливай цветы. Но не кровью. Водой. Им нужно время. Мне нужно время.

— А тебе? Тебе тоже нужна вода?

— Нет, — голос чуть заметно усмехнулся. — Мне нужна только ты. Но не сегодня. Отдыхай, Марк. Ты заслужил отдых.

Он хотел возразить, но силы оставили его. Он опустился на пол, привалился спиной к холодной стене оранжереи и закрыл глаза. Последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в сон, был шёпот:

— Спи, мой садовник. Скоро ты увидишь, что выросло из твоей любви.

Три дня Марк восстанавливался. Он пил воду с мёдом, ел бульон, который приготовил сам — впервые за долгое время. Он чувствовал, как силы возвращаются к нему капля за каплей, как вода возвращается в пересохший ручей. Браслет он снова надел на руку — там, где был порез, кожа затянулась, но остался странный узор: тонкие чёрные линии, похожие на корни.

Орхидея увядала. Не вся — только главный цветок, тот самый, в котором росла фигурка. Его лепестки почернели, съёжились и опали. Остался только голый стебель, на котором висели несколько маленьких бутонов. Марк поливал их водой, как велел голос. И они росли. Медленно, но верно.

В оранжерее больше не пахло гарью. Запах сменился на свежий, влажный — как в лесу после дождя. Марк открыл окна, проветрил комнату. Впустил свет, которого здесь не было

много месяцев. Цветы отозвались: зазеленели, распустили бутоны. Даже те, которые Марк считал мёртвыми, ожили.

Он начал выходить на улицу. Недолго — по вечерам, когда на Грейвс-авеню зажигались фонари. Он ходил до угла и обратно, чувствуя, как ноги привыкают к твёрдой земле, как лёгкие наполняются холодным декабрьским воздухом. Люди смотрели на него — странный человек в чёрном пальто, с браслетом на руке и пустым взглядом. Но никто не заговаривал. Марк был благодарен за это.

Однажды, возвращаясь с прогулки, он увидел у дверей своей лавки полицейскую машину. Рядом стояла женщина в форме — молодая, с короткими тёмными волосами и цепким взглядом. Офицер Джейн — так она представилась.

— Мистер Торн? — спросила она, сверяясь с блокнотом.

— Да, — ответил Марк, чувствуя, как внутри поднимается тревога.

— У нас были жалобы от соседей. Говорят, из вашей квартиры исходит сильный запах. Сначала было что-то гнилостное, потом дым. Сейчас вроде ничего, но мы обязаны проверить.

Марк кивнул. Он открыл дверь и впустил офицера внутрь.

Джейн прошла по коридору, заглянула в спальню, на кухню. Остановилась перед дверью в оранжерею.

— Можно? — спросила она.

— Да, — сказал Марк.

Она вошла. Оглядела стены, увитые орхидеями, горшки с цветами, стеллажи. Принюхалась.

— Ничего не чувствую, — сказала она. — Обычные цветы.

— Я же говорил, — ответил Марк.

Джейн повернулась к нему. Её взгляд упал на браслет, на чёрные линии на запястье.

— Что это у вас?

— Татуировка, — солгал Марк. — Старая.

Она не поверила, но не стала допытываться. Сделала пометку в блокноте.

— Если соседи снова пожалуются, придётся провести более тщательную проверку, — сказала она. — И ещё — ваш магазин закрыт уже больше года. Вы планируете открываться?

— Когда-нибудь, — ответил Марк.

Офицер Джейн посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула и вышла. Марк закрыл за ней дверь и прислонился к косяку. Сердце колотилось. Ему показалось, что он услышал, как в оранжерее кто-то засмеялся — тихо, едва слышно.

— Не бойся, — сказал голос из пустоты. — Она не найдёт меня, пока я не захочу, чтобы меня нашли.

Марк вздохнул, вытер пот со лба и пошёл в оранжерею. Новые бутоны на стебле за ночь увеличились вдвое. Скоро они распустятся. Скоро он увидит то, что выросло из его крови и слёз.

Скоро.

Глава 7. Браслет, пустивший корни

После визита офицера Джейн Марк стал осторожнее. Он задернул шторы в оранжерее, чтобы с улицы нельзя было увидеть разросшиеся цветы. Заклеил щели в оконных рамах, чтобы запахи не просачивались наружу. Запер дверь на два замка, хотя раньше оставлял её открытой. Он не боялся полиции — он боялся, что кто-то помешает цветку расти. Кто-то встанет между ним и Алисой.

Голос в оранжерее звучал теперь каждый вечер. Негромко, едва слышно — как радио, настроенное на далёкую станцию. Он говорил с Марком, успокаивал его, давал советы. Иногда это был голос Алисы — мягкий, ласковый, с лёгкой хрипотцой. Иногда другой — более низкий, тягучий, как смола. Марк не знал, кому принадлежит второй голос, и не хотел знать. Ему было достаточно того, что он слышит её.

— Ты сегодня не ел, — сказал голос однажды вечером, когда Марк сидел в оранжерее, глядя на новые бутоны. Они выросли ещё на пару сантиметров и теперь напоминали сжатые кулачки — чёрные, блестящие, с тугими прожилками.

— Не хочется, — ответил Марк.

— Нужно есть. Ты теряешь силы. А без сил ты не сможешь поливать цветы.

— Я могу поливать их и голодным.

— Кровью — да. Но водой? — голос усмехнулся. — Вода не даёт им того, что нужно. Им нужна твоя жизнь, Марк. Твоя забота. Твоё присутствие. Если ты умрёшь, они умрут вместе с тобой.

Марк молчал. Он знал, что голос прав. Каждый день он чувствовал, как силы покидают его — не только из-за порезов, но из-за самой атмосферы оранжереи. Воздух здесь был тяжёлым, влажным, пропитанным спорами. Дышать становилось трудно, и после каждого сеанса полива у Марка кружилась голова, а в горле першило.

— Я боюсь, — признался он. — Боюсь, что если перестану поливать, они засохнут. А если продолжу — засохну сам.

— Ты не засохнешь, — мягко сказал голос. — Я не позволю.

— А если ты обманываешь?

Тишина. Голос молчал так долго, что Марк уже решил, что разговор окончен. Но потом из пустоты раздался шёпот:

— Ты сам меня создал, Марк. Если я обманываю — значит, ты обманываешь себя. Но ты же не хочешь этого признавать, правда?

Марк закрыл лицо руками. Он не хотел. Он хотел верить, что голос — это Алиса. Что цветы — это её возвращение. Что вся боль, которую он причиняет себе, имеет смысл.

— Я верю тебе, — сказал он, наконец. — Я буду есть.

— Вот и умница, — ответил голос. И Марку почудилось, что в нём прозвучало облегчение. Или предвкушение.

На следующее утро он приготовил себе полноценный завтрак — яичницу с беконом, тосты, апельсиновый сок. Ел медленно, чувствуя, как пища тяжёлым комом ложится в желудок. Его тело отвыкло от нормальной еды, и теперь ему приходилось заставлять себя проглатывать каждый кусок.

Покончив с завтраком, он вышел в оранжерею. Бутоны за ночь снова увеличились. Один из них — самый крупный, в центре стебля — начал раскрываться. Марк подошёл ближе, затаив дыхание.

Лепестки медленно разворачивались, один за другим. Они были не чёрными — тёмно-фиолетовыми, почти бордовыми, с тонкими серебристыми прожилками, которые мерцали в

полумраке. Внутри, в сердцевине, не было фигурки. Вместо неё лежала капля жидкости — густой, янтарной, с медовым запахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.